ПРЕМИУМ

ЦЕПИ ФАТУМА

ЧАСТЬ 1

ГРЕЙ

Судьбы Мэриела. Премиум-издания

Грей

Цепи Фатума. Часть 1. Премиум-издание

«Автор»
2026

Грей

Цепи Фатума. Часть 1. Премиум-издание / Грей — «Автор», 2026 — (Судьбы Мэриела. Премиум-издания)

Обновленная в 2026 г. премиум-версия 1-го тома цикла "Судьбы Мэриела", которая содержит портреты всех героев, дополнительные изображения, справочную информацию.История мира обладателей начинается с Занзары, устроившей дерзкое нападение и кровавое побоище, и с ученика целителя, Ричарда, чья спокойная жизнь в одночасье перевернулась с ног на голову из-за судьбоносной встречи в ночном лесу. Ричард натыкается на израненную девушку — та — без чувств — падает в его объятия. Парень не ведает ни кто она, ни как ее зовут; а еще чужестранку явно кто-то преследовал. Ему кажется, что это не простое совпадение, а их судьбы связаны. Конечно же, он решает спасти ее! — как же иначе? Но появление незнакомки влечет целую цепь событий, приближающих Фатум — неизбежный рок. Готов ли ты бросить вызов судьбе?

© Грей, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Книги серии Судьбы Мэриела 6
Часть 1 10
От автора 11
Карты Мэриела 12
Герои 14
Пролог. Роковая ночь 15
Глава 1. Ученик целителя 24
Глава 2. Эвелир 30
Глава 3. Грозовые тучи 36
Глава 4. В ночном лесу 42
Глава 5. Оковы забвения 45
Глава 6. Праздник Весны 54
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Грей
Цепи Фатума. Часть 1. Премиум-издание

Книги серии Судьбы Мэриела

История Ричарда
Основная арка
Книга #1. Цепи Фатума. Часть 1
Книга #2. Цепи Фатума. Часть 2
Книга #3. Цепи Фатума. Часть 3, Эндшпиль

История Варлага
Приквел
Приквел I. Темный Союз
Приквел II. Павшие Земли
Приквел III. Буря Потерь — в планах

Дополнения:

Дополнение 1. Дневник Гроффа — бесплатно на всех площадках

Дополнение 2. Мир Предтеч — относится к Темному Союзу и к арке приквела.

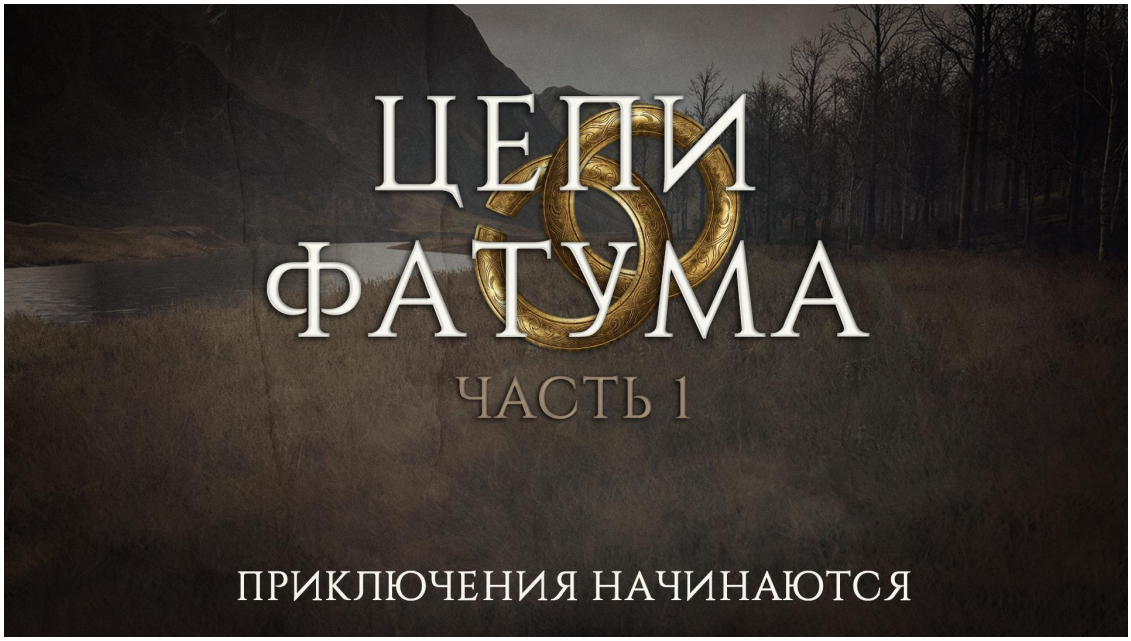
Дополнение 3. Сеттинг-гид для настольной игры (редакция ДнД 5е)

Дополнения опциональны.

***

Внимание! Мобильное приложение ЛитРес несколько деформирует горизонтальные изображения. **Решение:** читать в мобильном браузере через сайт или скачать в любом формате и читать в любой читалке. Либо использовать увеличение (значок лупы) для изображений любого формата.

Часть 1

Приключения начинаются.

От автора

Перед вами обновленная в 2026 премиум-версия 1-го тома истории про Мэриел, содержащая все портреты и дополнительные изображения.

Карты Мэриела

Карта Мэриела (страны)

Карта Мэриела (города)

Герои

Чат с героями:

Добавлен чат с досконально проработанными героями Цепей Фатума на площадке **Frendi AI** (героев легко можно найти по имени, и это бесплатно): очень похоже на ролевую игру, в которой происходит знакомство с лором и логикой поведения персонажа в контексте романа.

Вы можете не только познакомиться с героем, его предлагаемыми обстоятельствами и окружением, но и делать личные квесты, начать роман или... даже погибнуть (с Занзарой и Корделлом это проще простого), что знаменует окончательный конец (в рамках конкретного чата, безусловно).

В настоящее время доступны герои:

Занзара

Ричард Эджин

Гарретт Гроффф

Корделл Бастер и др.

Пролог. Роковая ночь

Края, где все случилось, затерялись среди высоких гор и густых лесов, меж быстрых рек и бескрайних морей, в лоне благодатной и богатой земли, что граничила с пустошью — в противовес — нагой, иссохшей, беспощадной ко всему живому.

Таков наш мир — разорванный на две части пергамент, расколотая фреска, нечто — однажды целое, но ныне разделенное.

Нам — лучшее, им — прочее, жалкие остатки. Так решено. Кто прав, кто виноват? — уже и сама судьба не разберет.

Только вот раньше, во времена давние, люди не всегда единолично и безраздельно властвовали днесь, расселившись в самых благодатных краях материка Мэриел. И живет так сей народ (в благости и процветании) совсем недавно по меркам Колеса иль силы иной, не столь древней (Только кто об этом помнит?).

Теперь это их эпоха и расцвет — вот что важно…

А прочие народы и создания давно покинули границы нового царства и не появлялись очень долгое время — а людям тех лет (к слову, многих) хватило, чтобы перестать вспоминать о некогда совместном прошлом. Само существование тех, кто не схож с людьми, предали забвению; но кто-то до сих пор упоминался в легендах и сказках, но чаще — только в страшных историях — их рассказывали при слабом свете свечей, завернувшись в одеяла. Люди стерли воспоминания не только о том, что Мэриел принадлежал ранее всем народам, но и многое иное, дабы сделать мир простым, понятным и удобным его нынешним хозяевам.

Правила — остов, легенды — глина, крепка их связь, недвижима твердыня.

Но сейчас что-то началось: одни жители Мэриела не понимали этого, прочие же — старались закрыть глаза и не обращать внимания на происходящие кругом странности. Но и те, и другие неизбежно столкнутся с переменами. Так случалось и прежде.

Врата в этот край все еще открыты, и тот, кто когда-то покинул Мэриел — насильно или по своей воле — однажды сможет вернуться… Стоит только вспомнить о несправедливости и возжелать то, что считается твоим по праву.

А после прийти и взять.

И, кажется, такой день настал.

Наша история произошла обычным весенним вечером. На один из городов Севера, с названием — Альсвег, опускались сумерки, а из укромных мест выползал мрак, медленно поглощая все вокруг.

На крыше, держась за флагшток, стояла девушка, облаченная в темный плащ с натянутым на лицо капюшоном, из-под которого смотрели серые ледяные глаза, а нижнюю часть ее лица скрывала повязка и стальная личина.

Ее вниманием завладел замок: каждая уходящая ввысь башня, тянущиеся к ним перемычки, акведуки и галереи, а также отделяющие от города решетки и ворота с подъемными мостами. На крепостных стенах замелькали огни факелов — теперь ее взор переходил от одного огонька к другому, — казалось, будто она кивала, что-то подмечая, но на деле — оценивала количество врагов.

“Все получится”, — приободрила она саму себя.

Ветер нетерпеливо трепал полы иссиня-черных одежд, намекая: “Ну давай же! Давай! Сделай это!” — но ей не до его увещеваний. Она закончила и с приготовлениями, и с осмотром близлежащих территорий, и с подсчетом караульных, а теперь оставалось только ждать. Так и стояла на месте, как ни хотелось сорваться, прыгнуть, побежать.

На фоне темнеющих небес ее одинокая и хрупкая фигура казалась практически незаметной, такой ничтожной, малозначимой — никому и в голову не придет искать ее здесь. Никто и не поверит, скажи ему, что совсем скоро ей предстоит спасти мир… Или уничтожить? — но тут уж как получится, не обессудьте… Если честно, оба варианта ее устраивали… А Фидес? Царицу, стоит полагать, тоже. И к чему удивляться, что она так походит на нее? Яблони, яблоки и все такое. Или лучше так — ядовитый сорняк не дает безобидных и вкусных плодов.

Стало холодать, ветер никак не отставал. По рукам и спине пробежал озноб. Неприятное чувство. Нет, это не страх, ведь бояться следует ее. Некоторые считают: она принадлежит к джархи (народу, который и вовсе не ступал на эти земли), вот и прячет под маской сей след происхождения, или же будто ее прокляли, или ищут еще более замысловатые причины — им только дай повод.

Это сплетни, конечно, чушь полная, но не стоит рушить ореол таинственности. Главное — их это пугает. Одна лишь ее личина вселяет в них трепет. Они так и замирают, дрожа как мыши, только она проходит рядом. Молятся (кому и чему угодно), лишь бы ее фигура в одну из самых мрачных и сырых ночей не возникла бесшумным призраком у изголовья кровати. Если это произойдет, тихий ужас станет последним, что они испытают. Ведь она — убийца и наемница. Или сперва наемница, а затем убийца, вероятно, даже все и сразу — ведь одно не исключало второго. А вдруг вы знаете некое иное название для подобного ремесла? Можно и так.

Звали ее Занзара. Это прозвище, разумеется, но она стала пользоваться им слишком часто и с довольно давних времен, чтобы оно не приклеилось к ней клеймом, меткой, ярмом, призванием, долгом, судьбой. Так Занзарой ее стали кликать и другие. И сделалась она Вестницей Колеса, ступила на предначертанный ей путь.

Это имя стало ее частью быстро, ведь до этого у нее его и вовсе не имелось. Ее никак не звали. Это может показаться нелепым и диким, — но чего ожидать от того, кто ее вырастил? Спасибо и на том.

Для Фидес — ты лишь сторожевой пес, которого так и зовут “Пес”, или кошка — вы уже сами догадались — с имечком “Кошка”. А они и откликаются, ибо не знают ничего иного.

Так и она звалась “Девочкой”, долгое время не подозревая, что это никакое не имя.

Как и “Мальчик”. Да, у нее есть брат. Не родной по крови… Хотя кто его знает? Но родной по духу. Семья... Без нее никак. В конце концов, кто-то же тебя породил и взрастил? А уж каким образом — дело десятое.

А покуда Занзара не избрала имя (которое не дала бы ни одна из двух матерей: родная — оставившая ее, и приемная — ту такие пустяки не заботили), так и жила она — будучи никем, тенью, подобием, пустым местом.

Будущее имя она впервые услышала от южан, во время странствий в Зуне. Означало оно цикл рождения и смерти. *Колесо Судьбы*. То, во что она верила, и то, чем занималась: забирала жизнь, чтобы иная продолжилась; включая ее собственную.

Круг, вечность пребывающий в движении, никогда не остановится, только если весь мир падет. Ты не властен обратить его путь вспять, он может как перемолоть тебя, так и доставить туда, где ты познаешь радость жизни и блаженство. В будущее, которое ты сотворил себе сам.

Стоило только внять гласу Колеса, в котором все слышат лишь лязг и шум. Многие боятся его, трактуя как знак распрей и кровопролития, — но ни одна история не вершится без этого. Занзара это прекрасно понимала, хоть философия зунаров по большей части ей совершенно чужда.

Сама она не из южан, определенно нет, ее кожа слишком светлая, но и с северянами ее ничто не роднило. Точно что "Девочка" — без роду и племени, брошенная на растерзание диким зверям, которые ее и вырастили. Это ли не знак того, что она избрана для великих свершений, важных заданий, к которым ее готовила сама судьба?

Раньше, чего таить, она часто плыла по течению, пытаясь найти свое место, но вскоре ей захотелось самой решать и выбирать дорожки — прямые, кривые, какие угодно! Тем более, уютный уголок можно и не найти за всю жизнь, а любая ошибка может стоить жизни (как-никак ее труд рисковый).

Так почему бы не начать мену с малого? Стоит хотя бы переменить имя — и судьба будет обманута.

И так "Девочка" превратилась в Занзару.

Преображение далось далеко не сразу, но она справилась. Не этого ли и добивалась ее воспитательница, чьей дочери должно стать дикой и опасной, а еще сильной и независимой?

"А если *мать* предвидела это? Таков ее замысел? — не давать дитю имен, позволяя выбрать, кем стать. Если выпадет случай, нужно с ней поговорить об этом…"

Стало еще темнее. Луна Клиндор скрылась за огромным облаком. Прошло еще немного времени, и вот во тьме вспыхнула красная искра и тут же растаяла в ночных небесах, оставив после себя едва заметную струйку дыма.

Сигнал! Действовала зачинщица, само собой, не одна.

Вдалеке, за стенами крепости, Занзара заметила движение подчиненных, потом послышался шум, лязг, скрежет и вопли — истошные и животные — а чего еще ждать от редринов? Стражники с факелами устремились к воротам, не подозревая, что это лишь грубый отвлекающий манёвр, который позволит кое-кому проникнуть в замок и продемонстрировать более изящное мастерство.

"Что ж, теперь мой выход".

Девушка сделала несколько шагов к краю крыши и соскользнула с нее, словно змея. С удивительной ловкостью Занзара приземлилась на соседний дом, расположенный чуть ниже. Ветер возликовал на миг, но потом тут же утих, чтобы ей не мешать. Даже он на ее стороне.

"Тем лучше!" — подумала она, направляясь к стенам замка — тот становился все ближе, ширился и высился, будто предупреждая, мол, тебе не совладать со мной, поворачивай, убирайся отсюда! Но она не вняла предостережениям, продолжая нестись к цели.

Поступок, который она намеревалась совершить, — не просто коварный и дерзкий, это своеобразный вызов для любого вора, наймита, подстрекателя! Ее ждало дельце более рискованное, чем то, на что она шла до сего момента. Почему? Мало ли она скакала по крышам? Ха! Мало ли душегубила? Ха-ха! Но тут все иначе. Вот совсем.

Это, вот это вот самое — могло переломить хребет истории!

При одной мысли об этом в ее существе и естестве возникало мрачное удовлетворение.

“Ты — часть великого явления, Занзара. Звучит же, а? И каково!”

И именно она сыграет важную роль, чтобы простаки снова таращились на нее в переулках, даже не осознавая, — мир и покой им подарил некто вроде нее. Она же защитит этих доходяг от тех, кто пришел с целью отобрать у них все — лишить земли и монотонного уклада.

“Не благодарите! Я и сама однажды могу отнять у вас самое дорогое. Если за это заплатят, разумеется. А пока что бойтесь и молитесь — только это вы и умеете”.

Она добралась до последнего дома, тот почти вплотную прилегал к крепостному валу, сняла с пояса крюк с привязанной к нему веревкой — несколько вращений, взмах, бросок — и его зубья застряли в деревянной перекладине напротив. Прекрасно! — северяне до сих используют в строительстве дерево, а не один лишь камень, как в прочих краях Мэриела.

Другой конец девушка обмотала вокруг уснувшей дымовой трубы. Выхватив тонкие клинки, она шагнула над темной пропастью. Балансируя, быстро прошла по веревке и старалась не думать о том, каким из способов придется выбираться (ведь с заложником под мышкой покинуть замок гораздо труднее).

Зачинщица соскочила на парапет, скользнула меж зубьев и оказалась в галерее боевого хода. Чуть пригнувшись, на уровне бойниц, она заскользила туда, где стена достигала дворца.

На пути ей попался стражник. Девушка подкралась сзади. Тот даже не успел крикнуть: сверкнули клинки, лезвия сошлись, оставив тонкий, но глубокий порез на шее солдата. Хладное тело упало к ногам Занзары, кровь из раны лилась на пол. Она осторожно обошла поверженного стража и двинулась дальше — увы, грязно сработано, зато он не успел и пискнуть.

“Тут, видите ли, господа, не до аккуратности, плотное расписание”.

С ее мечей капала алая роса, с каждым шагом капелек становилось все меньше. Раскаяние и жалость давно оставили ее, она даже не могла вспомнить, что ощущала, отняв жизнь в самый первый раз. Видимо, ненависть, испуг, угрызения совести…

Сейчас же убийца не испытывала ничего. Слишком уж пусто у нее внутри. Лишь чувство опасности напоминало ей о жизни — когда грудная клетка разрывалась от тяжелого дыхания, а сердце скакало галопом.

“Я должна себя защищать, ничего личного”, — рассуждала она, продолжив следовать намеченному плану и лишь мельком скользнув взором по солдату, которому не повезло оказаться на ее пути (дурак задержался на посту, не последовав туда, где завязалась потасовка). — Если бы ты оказался на моем месте, то непременно поступил бы так же. Надеюсь, ты обретешь новую жизнь в следующем витке Колеса”.

Однако не до сантиментов, скоро тело обнаружат и начнут искать убийцу, догадавшись, что атака ворот — не единственное происшествие, ожидающее замок этой ночью. Значит, времени осталось еще меньше.

Бой в дальнем конце двора продолжался. А вот ее так никто и не заметил.

Кстати, дорогу она знала: прежде чем приступить к заданию, пришлось досконально изучить карту замка и окрестностей, прогуляться тут и там и даже встретиться с информатором.

Темными переходами, двигаясь бесшумно и скрытно, Занзара добралась до самой величественной башни.

Девушка коснулась двустворчатой двери, чуть приоткрыла ее и проскользнула внутрь.

Она оказалась в круглом зале с высоким потолком. Слабый свет свечей дрожащими бликами ложился на пол и стены. Перед алтарем, опустившись на колени, сидела золотоволосая девушка в белых одеждах. Она молилась? Такая же, как и прочие. Жалкая!

Дыхание Занзары стало шумным и частым, она ощутила жар на щеках, а лоб взмок. Цель — прямо перед ней! Вот бы подкрасться к девице, сверкнуть сталью и готово! Но ее убийство не входило в задание... Девушка нужна живой. Слишком уж ценный трофей для царицы.

— Добрый вечер, принцесса! — громко и с издевкой бросила Занзара.

Девушка вздрогнула, быстро встала, выхватив из ножен длинный меч с изогнутым лезвием, и гордо распрямила плечи, встретившись с убийцей лицом к лицу.

— Зачем *ты* пришла? — Ее голос слегка дрожал, но выглядела она (даже более чем) решительной. — Мы выполнили свою часть соглашения.

— Соглашения? — прошипела наемница, забавляясь. — Полагаешь, она станет договариваться с такими, как… с вашим народом? Ты теперь ее должница до самой смерти.

— И поэтому она подослала тебя?

— Да.

— Тебе не взять меня живой! — воскликнула девица, готовясь к атаке.

— Какая банальщина! Сколько раз довелось слышать то же самое! Будь послушной эльвинкой, ступай за мной и уважь просьбу царицы! — Занзара совершила рывок, взмахивая клинками, — в одно мгновенье она оказалась рядом с ней. Ей хотелось напугать принцессу, озадачить, а заодно проверить в сражении. Пусть продемонстрирует *силу*! Это ведь все из-за нее!

“Вот и покажи, чему научилась, *недоведьма*!”

Наемница приготовилась нанести удар, но противница ловко отразила яростную атаку, а после сама кинулась на нее.

Это не первая их встреча, но зато первая схватка.

И такого Занзара не ожидала. Она полагала, что принцесса начнет звать на помощь, умолять или дальше нести высокопарную чушь о сострадании, благородстве, милых котятах и щенятах... Но та сражалась. К тому же весьма умело.

“Она мне ни в чем не уступает! Какой такой боец выпестовал эльвинскую сучку?!”

Их клинки сходились, осыпая пол искрами, и расходились, со свистом рассекая воздух. Две девушки вращались в безумном танце. Звон мечей эхом разносился по пустому залу.

Но никакое *обладание* себя так и не явило. Многие назвали бы это колдовством, но Занзара-то знала — так силу именуют лишь невежды. Ее научили словам Старого Мира, которые сперва уничтожил он, а затем — время.

Противница Занзары оказалась ловка, изворотлива и крайне способна, но прибегать к *силе* она не собиралась.

“В чем же дело? Сочла меня недостойной лицезреть это чудо? Или так ничему и не научилась? Если второе предположение верно, тогда на кой она Фидес?”

Принцесса сделала стремительный выпад и, выбив один из клинков наемницы, бросилась к двери. Зачинщица быстро очухалась, меч (все дальше ускользающий от нее по гладкому полу) подбирать не стала, кинулась следом за эльвинкой и преградила той путь к отступлению.

— Мы еще не закончили! — напомнила убийца, вращая оставшимся мечом.

Но едва сражение разгорелось с новой силой, тяжелые двери резко распахнулись, а в зал ворвалась дюжина вооруженных до зубов стражников и два рыцаря при полном параде (только плюмажи забыли нацепить). Подельники Занзары ненадолго задержали гарнизон Альсвега, но и только! — забрать принцессу и слинять она не успела.

Рыцари откинули забрала (“Чтобы лучше меня видеть!” — прошипела неудачливая похитительница): тот, что с мечом, оказался ничем не примечательным человеком, второй (вооруженный секирой) — нударом — с синей кожей и белоснежными волосами.

Она так и застыла. До нее не сразу дошло, что на стороне девицы — нудар, чья сила в несколько крат выше гуммской (то бишь человечьей), эльвинской и даже редринской, еще и в компании дюжины солдафонов! — судьба сыграла с Занзарой злую шутку! Или виной тому, скорее, треклятый информатор!

Конечно же, нудары сговорились с эльвинами, глупо ожидать от них чего-то иного, все-таки братские народы. Да и полное возвращение их рода в северный Мэриел в случае такого

альянса — дело недолгого времени. Их владения за морями слишком суровы для жития и бедны на запасы, чтобы не раскрыть пасть на лакомый кусок прямо перед их синим носом.

“Я ведь прекрасно понимала, что подобное столкновение возможно, ведь в Альсвеге синемордых достаточно! Так что соберись. *Братец* придет, его они завалить не смогли бы!”

В итоге Занзара отвлеклась, ее окружали, а она отступала к выбитому клинку в попытках придумать новый план. Получалось не очень — вход и выход тут только один. Принцесса же, не теряя времени, бросилась к появившимся воинам — те обступили ее живой стеной, ограждая от наемницы, будто она чумная и безумная собака какая — кидаться на копья.

— Уведи принцессу! — скомандовал нудар.

Золотоволосая девица кивнула благородному спасителю, одарила Занзару презрительным взором и скрылась за дверьми с гуммским рыцаришкой.

“Гниль! — выругалась наемница. — Мне с ними никак не совладать! Надо потянуть время…”

— Сдавайся, преступница! И тогда останешься в живых. — Гулкий голос нудара обрушился на нее с силой секиры, которую тот покамест держал при себе. — Это конец.

Занзара замерла, опустив мечи (она успела подобрать второй).

“Хм, господин желает поболтать? — пусть так! — а мне маленькая передышка после драки с эльвинкой не повредит”. Вслух она выплюнула следующее: — Благодарю вас, Кто-вытам-у-нас, за ваше великодушие, но никакая я не преступница! Произошла ужасная ошибка!

— И какая же? — Солдаты перестроились и ощетинились оружием, Занзара пятилась к алтарю, нудар излучал уверенность льва, загнавшего пустынную лисицу. Только вот он не ведал, что у нее есть братец-медведь!

— Я всего-навсего скромная посланница.

— Которая проникла в замок, убила стражника и пыталась навредить нашей гостье? Я ничего не забыл?

“А почесать языком он горазд!”

— Нет, вы меня с кем-то спутали! — Играть дуру набитую — так себе занятие, но ничего иного не оставалось. Ну же, Бронти, где ты там?!

— Мне известно, чья ты “посланница”, — продолжал словоохотливый рыцарь. — Кто б еще притащил в Нуд редринов? Ты — печально небезызвестная дочка Фидес! И ее же игрушка, гуммская зверушка!

— А такими изречениями можно обидеть чьи-то чувства! — Так, кое-что она, однако ж, измыслила.

— Это твои что ль?

— Вызываю тебя на Поединок Чести! Один на один. Солдатня пусть не лезет.

Рыцарь думал недолго:

— Тогда защищайся! — И замахал секирой, неумолимо приближаясь к противнице. — Но так и умрешь редринской игрушкой!

Занзара взмокла мгновенно. Не сравнить со сражением, произошедшим только что! Это тебе не принцесса! Все в полную силу, ох, в какую силушку! Она крутилась как змий на сковородке, едва ли подходя к нудару на пару шагов.

А тот собирался ее прикончить, судя по выпадам, — как можно быстрее, чтобы не опоздать в кроватку на чтение мамкиных сказок. Воины образовали круг и, только лишь наблюдая за поединком, стояли себе смирненько (“Рыцарская чепуха сработала!”). Но если она победит, это означает, что ее не тронут. До поры до времени, но… Таким образом она заслужит право уйти, небольшую фору, прежде чем кто-то из них не нагонит ее и не бросит новый вызов. Иметь дело с тем, кто верен кодексу рыцаря, порой на руку, на нечистую, ведь по правилам Занзара играть не собиралась.

Зацепиться языками в перебранке — эт, спору нет, куда лучше, чем скрестить мечи… эм, точнее, огромную обоюдоострую секиру и (в сравнении с ней) два ножичка для нарезки хлеба. Но уж как есть! А время тем не менее шло…

“Скорей бы Бронти пришел! Мы еще успеем нагнать принцессу! И больше никаких дуэлей, грохну рыцаря издали!” — Она начинала выбиваться из сил, но продолжала играть в сражение, даже пару раз поддразнила нудара, кольнув и стукнув по латам.

— Ха! Жалкая попытка! — Противник, уверенный в абсолютной победе, расслабился. Он покручивал секирой, перекидывал рукоять из ладони в ладонь, выглядел дотоль самоуверенным — вовек не забудешь, во сне явится!

“Чего я от него, собственно, и добивалась!” — возликовала Занзара.

Но лучше прочего — сбивать спесь с таких ублюдков — это самое приятное. Занзара уже не могла дождаться, когда улыбочка покинет синюю чванливую харю.

Неожиданно (даже для зачинщицы) башня затряслась точно колокол, по которому ударили со всей дури огромным молотом. Тяжелые дубовые двери слетели с петель, погребая под собой стражу. Крошево полетело в разные стороны, на миг в воздухе зависло облако пыли.

В проеме показалась фигура — в два раза выше и шире любого мужчины (и даже нудара-латника). И вот в залу ворвался “Мальчик”, ныне превратившийся в огроменное чудовище, состоящее из мускулов, шрамов и татуировок… Единственный глаз (другой он потерял давным-давно) метался из стороны в сторону в поиске “Девочки”.

— Не смей! — Издав дикий рев, братец пнул попытавшегося напасть на него стражника. Тот отлетел на две дюжины локтей и врезался в стену (соответствующий хруст известил присутствующих, что позвоночнику бедолаги — конец).

Громила, тяжело топая по дверям, двинулся внутрь. Когда он ступал по доскам из-под них доносились стоны и крики. Кому-то очень не свезло!

Не дожидаясь, пока на него нападут, одноглазый обрушил дубину еще на трех растерявшихся солдат.

Нудар бросил взгляд на воротилу, разбрасывающего его воинов.

— Достаточно игр! — Занзара резко нанесла рыцарю удар в бок, в уязвимое место между панцирями доспеха, которое давненько заприметила, но никак не могла подобраться ближе. Удивленный взгляд скользнул по ее лицу, рот приоткрылся в недоумении, а после глаза нудара начало заволакивать таинственной дымкой. Та Сторона уже звала его к себе. Занзара оттолкнула поверженного врага, извлекая меч из его тела.

Мужчина, пришедший ей на выручку, добил последних воинов, пытающихся уползти прочь, и, шагая по павшим, понесся к сестрице.

— Бронт, ты вовремя! — Она бросилась в объятия гиганта.

— Ты цела? — пророкотал он, нежно прижимая Занзару к себе огромной ладонью.

— Да, только мы провалились… Цель сбежала!

— Еще не все потеряно, — успокоил брат, — мы их догоним.

Послышались шаги. В темном проеме возникла еще одна фигура. Бронт и Занзара повернули головы.

— Бегите, пока вас не схватили! В анклаве тревога! — К ним вышла женщина в черных одеждах и сияющем шлеме, украшенном белыми перьями, ее голубоватая кожа и серебристые волосы так и сияли во тьме. Занзара удивилась не только ее смелости, но и тому, что незнакомка безоружна… И еще она предлагала им помощь, не так ли?

— Ты еще кто такая?

— Подруга твоей матери.

— Ну, это многое объясняет… — В общем-то, эта дама — обычная предательница, перебежавшая на сторону Фидес. Среди нударов происходил разлад, а борьба за власть им не чужда, поэтому сегодня и свершилось немного предательств и заговоров — ничего такого. К тому

же Фидес довольно сложно отказать, если она тебя на что-то подбивает, — уж Занзара в этом убедилась больше прочих. — А что насчет принцессы? — Наемница нахмурилась.

— Это не ваша забота.

— Вот как? — Похоже, замыслы матери поменялись, а они об этом ничего не знали. Такова изначальная задумка Фидес? Она все доверила этой синемордой девице? А если бы они с Бронти схватили принцессу, что тогда?

— Ты славно, хм, поработала. Большего не требуется. А вам нужно возвращаться в Эвелир, если не хочешь понести ответ за сегодняшнюю атаку… — изрекла нударка. — И таков приказ царицы.

— Ясно, — процедила Занзара.

— Ты убила его? — Взгляд женщины скользнул по соплеменнику.

— Не думаю. Но тяжело ранила, однако может оклематься.

— Ступайте.

Не проронив более ни слова, брат и сестра покинули башню.

***

Нударка обошла зал, оглядывая изуродованные тела и лужи крови. Кровь. Кровь. Смерть — бессмысленная, казалось бы… нелепая… Вот такая цена… И она согласилась ее заплатить.

Прозвучал тихий стон, она обернулась, будто забыла обо всем ином. Посреди зала лежал князь — еще живой — зачинщица не солгала.

— Несмерта… — Одно лишь ее имя сорвалось с уст. — Несмерта…

— Я здесь, Лирэн. — Она подошла ближе, шурша юбками, подобрала их так, чтобы не перепачкать, и опустилась на колени рядом с раненым.

— Это… заговор… — Слова давались ему с трудом.

— Знаю, — сказала она голосом, полным равнодушия, погладила его по щеке и поцеловала в лоб. — Мы ничего не можем поделать. Нет смысла бороться с *ней*, уже слишком поздно… Все закончится здесь.

— Ты… Ты предала нас… — прохрипел князь, отталкивая нежную руку.

— Они отдадут нам весь Север. Пока что мы — чужаки, пришельцы… Но совсем скоро наш сын будет свободно ступать по землям Нуда, не князем-попрошайкой, а полноправным хозяином! — Женщина поднялась и взяла в руки меч одного из убиенных. — Эльвинам на сей раз не выстоять. А ты не можешь решать за нас всех!

— Мы поклялись…

— Поклялись обречь наш народ на погибель? Нет, этому не бывать! — Она занесла клинок и перерезала ему горло. Булькающий звук, последний вздох и хрип повисли в воздухе, и наступило молчание, окаймленное багровой лужей, которая растеклась вокруг князя Лирэна.

Княжна Несмерта вышла из разрушенной башни.

— Что случилось? Вы целы, госпожа? — Рядом с ней возник нударский солдат. Он с беспокойством глянул на разрушенный дверной проем и кровавые следы.

— Принцесса Ливия предала нас, — прошелестела та. — Столько смертей на ее совести. А сейчас она скрылась с сообщниками…

— А что сталось с князем Лирэном?

— Он пал.

Солдат растерялся, но почти сразу взял себя в руки:

— Тогда отныне глава анклава — вы, госпожа… Отправить поисковый отряд?

Взгляд княжны скользил по темному двору. И принцесса с консортами, и дочь Фидес — вероятно, уже покинули крепость. Редринов, атаковавших ворота, уничтожили. Прочие свидетели мертвы, включая князя. Теперь атаку на Альсвег можно выдать за сговор Ливии со зверолюдами. В столь тревожное время любые союзы уместны, даже между народами, веками проливающими кровь друг друга.

— Убейте каждого из свиты принцессы: будь то эльвин, гумм или даже нудар. А ее оставьте, пусть бежит в Гуар Данн и донесет до королев — эльвинам никогда не вернуть Мэриел путем подлых манипуляций! Мы не позволим этому произойти.

— Будет исполнено! — Нударский солдат вытянулся и поспешил выполнять указания. Появились остальные нудары, они засуетились, передавая слова княжны далее и далее.

Пошел снег. Снова. Горький сумрак окутали сети обмана и предательства, запах крови и мести. Так наступила роковая ночь, которая должна изменить все.

Глава 1. Ученик целителя

Ричард проснулся рано. Он лежал в постели и глядел в потолок, пытаясь припомнить сегодняшние сны. Но совсем ничего не отложилось, точно кто-то взял и стер их из памяти, хотя осталось чувство пережитых приключений и путешествий.

“Которые привиделись… и только”.

Он встал и оделся. Чего же цепляться за какие-то обрывочные видения? К тому же впереди у него много работы.

Потягиваясь, юноша двинулся к окну, отдернул занавеску и осмотрелся: утро хмурилось, серебристый туман, который снова спустился с гор, окутал все вокруг, словно вода стелясь по долине. Солнечные лучи не могли пробиться через пелену, которая стояла довольно высоко, поэтому мир вне комнаты выглядел серым-пресерым. Но пасмурный день не мог испортить Ричарду настроение.

Он подошел к тазу с водой, чтобы окончательно отогнать сон влагой и прохладой. Серебристая гладь, прежде чем расплескаться под ладонями, показала парню его лик: копну волос — только занявшийся всполох на осенней листве, дымчатый кварц внимательных глаз, мягкий изгиб улыбки и брови — колосья пшеницы.

Ему лишь стукнуло семнадцать, поэтому он не имел ни густой бороды, ни обильной колкой щетины. Отражение напомнило парню, что он походил на мать и на отца одновременно, являясь чем-то переходным от юности к взрослости. Что ж, время покажет, какой бородой он сможет похвастаться когда-нибудь. Прежде чем вода поведала что-то еще, Ричард сполоснул лицо и покинул комнатушку, направляясь на кухню.

Итак, дел полным-полно. Парень с недавней поры согласился на одну работу в Бертлебене — не слишком увлекательное занятие (хотя как посмотреть), но и не пыльное. Многим оно бы и вовсе показалась скучнейшим, однако новые навыки в жизни пригодятся, да и ему с каждым днем все больше нравилось это ремесло. Поэтому он не шибко жаловался, ведь выбор особо невелик: можно посвятить себя выпасу овец, работе в полях или на мельнице (а там, глядишь, лет через двадцать-тридцать обзавестись собственным стадом, клочком земли или маленькой мукомольней, чтобы на тебя, уже старика, пахали юнцы).

Но свое будущее парень представлял иначе. И чтоб переменить судьбу, стоит начинать с малого: итак, работая с Ильдой, он получает важные знания, а не только боль в пояснице, руках и ногах (кстати, теперича он ведает, как их снять). Стоит добавить, что наставница хорошо зарабатывала и ни в чем не нуждалась (страждущие от хворей ей несли арги, выздоровевшие — подарки), поэтому даже отшивала женихов, говоря про цветочки-ягодки по разным берегам (ухажеры недоумевали, ученик про себя смеялся).

Ричард и его семья жили недалече от небольшого городка в Предгорье, где никогда не происходило ничего интересного. Важнейшие для жителей Бертлебена события, пожалуй, можно по пальцам одной руки пересчитать: посевная и сбор урожая, открытие весенней ярмарки, последующая за празднеством охота, в которой и простолюдинам дозволено поучаствовать, или ссора кузнеца и портного (иногда мясника с пекарем).

Правда, как-то раз он самолично видел волков, оголодавших и осмелившихся подойти к окраинам городка, и чуть менее месяца назад огромную красную птицу (наверное, южную, залетевшую сюда по ошибке, ведь такие тут не водятся). А больше ему и рассказать нечего!

Однако старожилы могли поведать байки пострашнее звериной стаи и помнили еще кой-чего: воинский призыв, в который по указу короля Аргольда забрали даже мелких мальчишек, сход лавины, нударского скитальца, остановившегося на одну ночь в трактире Эвана, и, конечно, Чагринскую Чуму, которая доползла до столь отдаленных и диких мест. Подобное, из ряда вон выходящее, не забывали месяцами и даже годами (если не десятилетиями). Происшествия, несчастья или забавные казусы становились чем-то вроде легенд, обрастали выдумками и различными подробностями.

Окромя здешних сплетен и баек, которые и стар, и млад уж знали наизусть, народ еще любил послушать истории торговцев и путешественников, прибывших издалека, но они отчего-то стали заезжать в Бертлебен гораздо реже (и уже как два года к ряду — из-за снежных зим и размытых дорог — Праздник Весны проводили без гостей).

“Но ныне весна обещается быть погожей, ведь снег давно растаял, дороги не смыло, еще и заметно потеплело, — говаривал себе Ричард, — значится, скоро торговцы посетят наш городок!” — Ждал он этого с нетерпением, ведь странники привезут не только разнообразные товары, но и новые истории.

Думая о делах насущных и предположительно грядущих, юноша быстро спустился по лестнице.

— Доброе утро, матушка! — воскликнул парень, влетая на кухню.

Из всех комнат в доме ему больше всего нравилось находиться тут — в особенном месте, где витали ароматные запахи пряных трав и пищи, весело потрескивал огонь в очаге, а их семейство собиралось за большим столом. Ныне, конечно, кое-что переменилось: дяди Эрика с ними нет, а тетя Аврора предпочитала уединение, а если и появилась днесь — то не миновать ссоры с ее братом, отцом Ричарда. Но парень надеялся, что однажды жизнь переменится к лучшему, дядя вернется, а разом с ним и былое благоденствие.

— А где все? — Юноша огляделся: внизу никого, кроме матери, не оказалось.

— Леонард и Аврора уже ушли. — Изящная женщина с длинными светлыми волосами обернулась, оторвавшись от приготовления завтрака.

— Вместе? — озадачился он.

Мать развела руками и со вздохом ответила:

— Порознь.

— А Вейа?

— Пока у себя.

— Уже нет! — Рядом с Ричардом возникла девочка с тонкими чертами лица и внимательными голубыми глазами — вот и его кузина, Вейа. Ее волосы вспорхнули крыльями полевого тетерева, и она опустилась на стул.

— Ну ты и соня! — воскликнула Вейа. — Думала, вообще не проснешься. Хотела уже одна идти в Бертлебен.

— Вовсе я не соня! — возразил парень, садясь за большой деревянный стол рядом с ней. — А если ты так торопишься, то ступай без меня!

Вейа ничего не ответила, но лишь бросила на кузена испепеляющий взгляд. Ричард, довольный тем, что немного разозлил ее, откинулся на спинку стула.

— Ты разве есть не будешь? — поинтересовался он у сестрицы, подтягивая к себе тарелку с кашей и хлеб.

— Пока ты спал, я могла позавтракать десять раз! — язвительно воскликнула девочка. Вейа, будучи на три весны младше Ричарда, любила пререкаться, скажешь ей слово — она тебе два, ну и так далее. Девчонки в ее возрасте — сущий кошмар, с ними ладить непросто, но без кузины и ее шуточек он бы чувствовал себя одиноко.

— Если будешь есть по десять раз, то скоро провалишься со второго этажа прямо на кухню, — парировал братец, склоняясь над тарелкой.

— Очень остроумно! А если будешь столь долго дрыхнуть, то проспишь все на свете!

— Ну, такая уж тут жизнь! — Он повел плечами. — Не думаю, что пропущу нечто важное.

— Довольно препирательств, — несколько сурово сказала женщина, садясь между ними. — Прекратите ссориться!

— Да мы и не ссоримся, тетя Лана! — Вейа одарила Иоланту и Ричарда лучезарной улыбкой. — Это не всерьёз!

И, да, это действительно так. Хоть между ними часто возникали словесные перепалки, дружнее ребят в Бертлебене не сыскать. Но не все братья и сестры подобно ладили, а тем более обожали друг друга, порой — наоборот. Глянуть хотя бы на Леонарда и Аврору… Да уж!

Ричард быстро позавтракал, потом вместе с Вейей помог убрать со стола, побросал в мешок необходимое и направился к двери, накинув на плечи плащ. Вейа взяла корзинку со скарбом, чтоб продать или обменять его на рынке, и последовала за ним.

— Возвращайтесь к обеду! — крикнула им вслед Иоланта.

— Хорошо! — откликнулись Ричард и Вейа, выходя во двор и вдыхая стылый и влажный воздух.

Небо затянули серые тучи. Солнце, успевшее подняться над горизонтом, походило на луну, потому что светило из-за седого облака, его лучи тщетно пытались достичь весенней земли.

— Похоже, без дождя сегодня не обойдется, — мрачно заметила Вейа.

— Тогда давай поторопимся. Будет некстати, если он застанет нас в пути.

Кутаясь в плащи, они двинулись в сторону Бертлебена. Туман особо не мешал, ведь тут не заблудишься: слева пахота, справа — тоже, а посредине дорога. Город лежал южнее, в трех ллигадах, идти так-то недолго, но если ливанет, укрыться негде — на редких деревьях едва распустились почки, так себе защита. В таком случае пришлось бы бежать к мельницам, чтобы переждать, или, вымокнув, двигаться по прямой, в город.

Из их ртов вылетали облачка пара, снег давно сошел, его клочья оставались лишь в чащобах и горах, но все-таки для весеннего дня еще пока слишком прохладно. Поля пустовали, землеробы возделали их частично (и сегодня вряд ли приступят к работе, виной тому непогода — за эту весну снег выпадал уже трижды).

Местные давно привыкли к межсезонным ненастьям; с гор в долину, где они обретались, часто спускался холодный ветер, приносивший с собой дождевые или снежные облака.

— Лишь бы на Праздник Весны потеплело! — воскликнул Ричард, когда они решили закончить разговоры о дождях и снегах, тумане и граде.

— Знаешь, — начала Вейа, когда молчание несколько затянулось, — я беспокоюсь за мать…

— А что с ней? — Хотя Ричард догадывался, о чем пойдет речь. В последние месяцы тетя Аврора печалилась еще больше и не отличалась разговорчивостью, а если и открывала рот, то начинала орать на брата по любому поводу. Тот в стороне не оставался и за словцом в суму не лез. Потом Аврора рыдала, Иоланта ее успокаивала, Леонард хлопал дверьми, шел рубить дрова, покуда не заполнял поленницу доверху, а затем брат и сестра опять шипели подобно кошкам, но друг на друга не кидались некоторое (весьма непродолжительное) время. В общем, такое поведение, увы, стало вполне обыденным, как и унылая морось в Предгорье, так что парень старался не обращать на зачинщиков свары особого внимания, хоть это его и тяготило.

— Думаю, она мечется из-за отца… ведь он уже три года не появлялся. — В голосе кузины читалась грусть. — Да и я скучаю без него… Очень.

Отец Вейи и до этого много путешествовал (даже не просто много, а постоянно и длительно), но всегда возвращался, — пусть через пару месяцев, а то и полгода, но однако же... И вот Эрик в очередной раз покинул Бертлебен — и с тех пор от него нет никаких вестей. Куда он отправился, никто из них не знал, даже Аврора.

— С ним все хорошо, просто дядя, как мне кажется, пока не может вернуться, — успокаивал сестру Ричард. — И мне его не хватает! — добавил он, приобняв Вейю. — Не расстраивайся, сегодня он не приедет, но завтра мы с ним обязательно увидимся.

— Спасибо. Стало немного лучше от твоих слов, — прошептала Вейа. — Только не говори маме о нашей беседе.

— Не скажу. И ты давай-ка не реви.

— Не реву я. Не реву. Видишь?

— Не ревешь? Точно?

— А сам-то!

— А что я? Ты еще скажи, что догонишь и посмотришь мне в лицо?

— Постой же! Куда ты побежал?!

Она быстро нагнала кузена. Оба перевели дух, а дальше шли чуть более спокойно во всех смыслах, принявшись болтать о всяких пустяках, чтобы отвлечься от мрачных мыслей — ведь если человек не возвращается домой, к семье, к такой смышленой и покладистой дочери, то он — либо попросту подлец (как утверждает Леонард), либо… мертв.

Близ города туман уже лежал клочьями, открыв взору и мельницы на холмах, и кромку леса.

А вот и показались первые домики, чьи каминные трубы приветливо дымили. В воздухе витал приятный аромат дров, выпечки и копченого мяса. Бертлебен уже пробудился, и его жители готовились встречать новый день — пусть серый и промозглый.

Открывались ставни, распахивались двери заведений, торговцы раскладывали добро на лотках, чтоб успеть заработать, женщины мели пороги и трясли покрывала, по дороге проезжали повозки, а пастухи гнали стада на луга.

— Сперва зайду на рынок, пока дождя нет и торгаши не разбежались, — сказала Вейа. — И с девчонками повидаться договаривались. Удачи с работой, братец!

— И тебе, сестрица!

Она махнула рукой и скрылась за углом.

Путь Ричарда лежал совсем в другую сторону. Быстрым шагом, приветствуя знакомых, он пересек шумную площадь и остановился у странного вида лавки, ее витрину заполняли пучки самых разнообразных трав, сушеные грибы и колбы из цветного стекла.

Здесь жила целительница Ильда. Их городок слишком маленький, чтобы бургомистр организовал лечебницу или хотя бы подселил куда доктора, так что госпоже Нордвуд приходилось заниматься здоровьем жителей (кстати, она одной из первых в числе травниц получила

бумагу от гильдии аптекарей, в которую с недавней поры стали принимать женщин). И только в самых тяжелых случаях (происходящих пару раз за пару лет) мог приехать окружной лекарь.

Парень толкнул дверь и прошел внутрь, встретившись с темнотой и духотой. Шел он медленно и даже снял с плеч мешок, чтобы ненароком ничего не уронить. Все горизонтальные поверхности (а кое-где и вертикальные) заполняли вещи — самые что ни на есть разнородные — целые груды, кипы, кучи: травы, свечи, книги, свитки, склянки, банки, горшки, ступки с пестиками, реторты и прочая утварь — как кухонная, так и из числа инструментария для выварки лекарств. Разложенное в беспорядке добро обрамляло огромный перегонный куб в центре помещения.

Ричард обошел аппарат, похожий на скопление медных груш, и двинулся туда, где посвободнее, а свет ламп ярче. Будь он владельцем, то поставил бы стойку поближе к выходу, а всю прочее убранство — подальше, чтоб не мешало; он даже пару раз намекал Ильде о перестановке, но та не стремилась ни к порядку, ни к переменам.

За большим прилавком сидела молодая женщина с формами более чем округлыми, но внешне приятными, без излишка полноты, ее волнистые рыжие волосы казались растрепанными, будто она то и дело запускала в них пальцы (“А, нет, не будто, она так и делала!”). Перед ней лежали толстенные книги. Наставница что-то выписывала из них, шевеля бровями и губами, потом откладывала перо и теребила прическу.

— Доброе утро, Ильда!

— Кто же сказал, что оно доброе? — протянула женщина, отрываясь от дел на сущий миг. — Сегодня просто отвратительный день!

— И почему же? — поинтересовался он.

— Для приготовления одного снадобья мне нужен солнечный свет, я потратила уйму сил и времени, и именно сегодня тучи заволокли все небо! — пояснила Ильда, взмахивая руками.

— Очень жаль, что так вышло, — сочувственно произнес юноша. — Но и вчера стояла хмарь. И позавчера. И…

— Ладно, ладно, хватит! Да, ты прав. Погодка нынче та еще стерва. Но я ведь не говорю про то, что минуло. Нужно верить в лучший исход. И надежда никогда не должна оставлять настоящего целителя! Не свезло, так не свезло! Отложим мой эксперимент, займемся работой. Ее скопилось полно! — Женщина уже улыбалась, приплясывая со склянкой, где плавали пиявки. — А теперь следуй за мной, ученик.

Они направились в соседнюю комнату — препараторий (так ее называла Ильда) с воздухом не таким спертым, но довольно пахучим из-за присутствия разнообразных ингредиентов — природных и химических.

Тут уже хозяйка не допускала беспорядка, все расставила с тщательностью и толком (и не в таких необъятных количествах). В сравнении с предыдущим помещением коморка пустовала: ничего лишнего — маленький стол, два простых стула без спинок, узкие шкафчики со стеклами для хранения готовых лекарственных форм.

Так что Ильду не назвать неряхой, однако из-за чрезмерной занятости она допускала попустительство в отношении порядка и чистоты в остальной части дома. И, к слову, именно из-за щепетильности и аккуратности целительницы (правда, касаемо расхода сырья и ведения учетных книг) Ричард и оказался тут.

Он не стремился становиться ее подмастерьем и не интересовался аптекарским делом, собираясь взять бразды правления вечно закрытой скобяной лавкой Авроры (тут он соглашался с отцом, что нечего платить купеческой гильдии, если люд приходит за гвоздями и спичками прямо к ним домой).

Однако для торговли требуется какой-никакой опыт и навык, вот поэтому Грофф посоветовал юноше обратиться к Ильде, у которой каждая щепотка травы или капля масла идет

под запись; ну а еще она занимается прибыльным ремеслом, есть чему поучиться. Так малопомалу, познавая мелкие секреты торгового дела, Ричард втянулся и в лекарское.

Кроме того, целительница сама предложила пойти к ней в ученики. Вот и славно, потому что и Вейа имела виды на материнскую торговую точку, собираясь там всем верховодить, а уж ссор с кузиной на такой почве Ричард хотел бы избежать. Ее мать, конечно же, причитала, что она еще слишком мала, но та отличалась чрезмерной упертостью, вот поэтому (дабы доказать Авроре обратное) девочка приторговывала на рынке полезными мелочами (без ее участливости лежавшими мертвым грузом).

Теперь у каждого свое занятие, и нет поводов для мелких склок и обид.

Расположившись за столом, ученик и наставница принялись резать свежие коренья для дальнейшей сушки, готовить порошки, измельчая уже высушенное сырье, толочь свежие листья и стебли в тяжелых ступах, чтобы выделить сок, а уже готовые лекарства ссыпать и разливать в баночки и флакончики, а густые мази и пасты перекладывать в плоские футляры.

Аптекарский процесс напоминал готовку пищи, хотя и требовал куда большего усердия, внимания и большого количества знаний. Но парень хорошо справлялся, а целительница не скупилась на похвалу. За весьма короткий срок Ильда научила его многому: как распознавать ядовитые и лекарственные растения, правильно их собирать и хранить, а самое главное — как готовить лекарства.

Сначала Ричард считал, что тут нет ничего сложного — режь себе, вари, вот и готово! — но очень скоро осознал собственное невежество. Некоторые растения следовало собирать только на рассвете, другие же — при полной луне, дабы они не утратили целительных свойств, один и тот же компонент в определенных условиях мог как исцелить больного, так и нанести ему вред, да и на приготовление снадобий уходило много времени. А это они еще не касались всяческих химических соединений, занимаясь покамест натуральными ингридиентами, в основном — гербализмом!

Погрузившись с головой в работу и думы, ученик-целитель и не заметил, что уже пролетело несколько часов и звонили к обедне.

— Славно, на сегодня мы закончили! — Ильда хлопнула в ладоши, после пересчитала пузырьки с готовыми настойками и настоями, отварами и вытяжками, порошками и пастами, не забывая сделать записи в книге учета.

— Да, управились, — согласился парень, обтирая лоб тыльной стороной ладони.

— Держи-ка. — Целительница протянула Ричарду несколько книг. Тот глянул на корешки, ожидая увидеть труды по медицине и варке, но, судя по названиям, это оказались любовные произведения. — Отнеси их Бабушке Мораг, а заодно передай ей вот что. — Она подошла к полке и вернулась с парой бутыльков. Сироп от кашля. — Ильда показала баночку зеленого стекла. — Мазь от боли в костях. — Прозрачный флакон с желтоватым содержимым.

Юноша покивал, положил книги и баночки в заплечный мешок.

— Возьми с нее пять медяков — и оставь себе, это твое жалование.

— Добро. Спасибо! — Он еще собирался спросить про книги, но не про любовные. К примеру, не завалялось ли, скажем, у Ильды среди сущего беспорядка чего-нибудь действительно полезного — травника или пособия по перевязкам, но не успел.

— А вот список растений, которые необходимо собрать. — Ильда уже провожала его к выходу, попутно прихватив с прилавка свиток. — Только делать это надо в темное время. Травки уже пробудились после зимы, а мы как раз пополним запасы свежим сырьем. Особенно важен Вороний Глаз, помни, его цветение зависит от движения Клиндора, так что сегодняшняя ночь — самый подходящий момент! К следующему лунному циклу он уже отцветет, а значит…

— Не видать нам средства от отеков, — продолжил ученик. — Знаю, знаю, Ильда.

— И что бы я без тебя делала, Ричард! Ты просто умница! Что ж, тогда до завтра!

Ричард попрощался с наставницей и вышел из лавки.

Глава 2. Эвелир

Самым обидным для Занзары стало то, что добираться из Альсвега, где они потерпели полный провал, до Эвелира — тут обитала царица Фидес — придется более месяца.

Как только она и Бронти выбрались из крепости, та взорвалась суетой — факелы мелькали тут и там, растекаясь огненными реками, раздавались команды, топали кони и бряцали латы. Оставалось надеяться, что искали не их… И почти сразу выяснилось, что местные теперь охотились за принцессой и ее свитой. И с каким запалом! Ух! Только вот удалось ли схватить девицу или нет, Занзаре неведомо… до сих пор.

Позже к ним подлетела красноперая авэ (после вымирания эльфов люди перестали разводить таких птиц и использовать их для доставки сообщений, но Фидес — во-первых, не человек, а, во-вторых, верна традициям Старого Мира) и повторила волю царицы — оставить принцессу в покое и шуровать домой (да, да, они способны не только переносить бумажки, но еще запоминать фразы и целые предложения).

“Да, мамочка, уже бегу!”

А что еще оставалось? Вопросы донимали, а ответы они получат только по возвращении… если, конечно, мать удостоит их ими. У нее имелся некий многоярусный план, а Занзару посвятили лишь в его малую часть, позволив потянуть за одну-единственную ниточку.

“И чего ради? Что за бессмыслица?! Или Фидес ждала моего поражения? Нет, спланировала его! Посему и доверилась той нударке! Но чем сребровласка лучше меня? А что ждет принцессу? Почему мать сперва позволила эльвинке обрести силу, а теперь возжелала погубить?” — Вот что не давало покоя.

Но уже слишком поздно… Либо нударская интриганка изловила эльвинку, либо потеряла ее след, а шанс, что Занзара и Бронт заново отыщут принцессу, уже упущен.

Что делать дальше, зачинщица не могла придумать, поэтому они топали в сторону Зуна — и все.

Возможно, Колесо начнет вращаться иначе и укажет новый путь. Хотя читать знаки, которые оно тебе подбрасывает, — дело не из легких: порой, только совершив что-то, ты можешь понять — да, в этом есть смысл, в следующий раз — осознание приходит куда позднее. Но

теперь Колесо безмолвствовало, будто указание Фидес — единственно правильное, безошибочное, ему и нужно следовать. И девушка просто не могла уловить сути и понять, по какой причине в самый последний миг судьба отвернулась от нее. Спасало ли ее Колесо таким образом? Но от чего?

По пути, чтоб отвлечься, они взялись за пару мелких дел: выбили долги, припугнули мелкую банду, разобрались с одним наглым торговцем. Мелочи, недостойные Колеса... Но, как знать, может, эти поступки вкупе приведут к чему-то более важному?

Бронта подобные терзания не заботили, он просто следовал за Занзарой и полагался на нее, отвечая за грубую силу, это ее удел — думать за двоих и планировать каверзы. А она пребывала в недоумении, не имея понятия, что их теперь ждет.

— Порой приходится действовать по обстоятельствам, — утешал ее громила. — И разве нужен план, чтобы вернуться домой? Не забивай голову зазря.

— Ты прав, — говорила она, а сама думала, что в случае с Фидес всегда стоит держаться на два хода впереди, ибо та в считанные мгновения обставит тебя на десять.

Так и прошел целый месяц. И вот они добрались до Эвелира — давным-давно тут цвел и благоухал один из городов эльфийского Владычества, а ныне — обосновались редрины. А еще эти руины — их с Бронти дом.

Как так получилось?

Нет, речь пойдет не про то, как гуммские детеныши обрели мать-редринку и житье в стане зверолюдов, об том позже, поговорим сперва про редринов и откуда они взялись. Пожалуй, стоит начать с начала. С самого начала.

В те времена, о которых помнит лишь сама земля, в Мэриеле жили одни дикие звери, никаких вераров, нударов, а тем более гуммов в помине не существовало.

Твари плодились, сбивались в стаи, охотились и боролись за еду. Жизнь отличалась первобытной простотой и безжалостной дикостью.

Время шло… Мир преображался. Менялись и его обитатели. Однажды звери обрели разум, но не все из них возжелали (или сумели) расстаться с повадками хищников, отказаться от борьбы за власть и угодья, прекратить травлю себе подобных, созидать и создавать, вместо того, чтоб убивать и разрушать.

Народ, звавшийся редринами, оставался таким же коварным и жестоким на протяжении многих тысячелетий. Это племя постоянно разжигало пламень раздора в Старом Мире. Их боевой рев никогда не стихал, а смысл существования они видели в бесконечной охоте — и уже не ради пропитания, а для забавы.

Много веков лилась кровь, впитываясь в черствую почву. Но близился конец Древней Эпохи, а его предзнаменованием стало появление вераров, которых позднее нарекли эльфами, а затем нударов и гуммов — людей. Эти народы объединились, вступили в схватку с дикарями и одержали победу.

Потерпев поражение, редрины ушли в другие края, лежащие далеко на Юго-Западе. Тогда племя зверолюдов исчезло, затаившись на какое-то время.

Наступило долгожданное спокойствие.

Но тысячу лет назад этот народ вновь явил себя, став еще более сильным и свирепым. Они пришли, чтобы отомстить эльфам за поражение и изгнание. Старые раны затянулись, а когти и клыки давно алкали вонзиться в эльфийские глотки.

На сей раз редрины сговорились с гуммами и вместе с ними полностью истребили эльфов. Мир утопал в войнах, а Колесо вращалось с бешеной скоростью.

Царица мало говорила о Старом Мире, лишь *наставник* (а заодно и невольник Фидес) чуть больше поминал Утраченную Эпоху. От него Занзара узнала кое-что, но далеко не все. Тысячу лет назад мир лишился *обладания* и чуть не погиб. Но помимо этого произошло в те

далекие вехи нечто настолько жуткое… то, что изменило не только континент, но и всю Ойру навсегда.

Но ни редринка, ни ее узник не раскрывали иных карт, продолжая молчаливую игру не только между собой, но и со всем миром (точнее, с тем, что от него осталось), а Занзара могла лишь наблюдать за ними.

Нет, она не совсем понимала их мотивы, хотя и пыталась. Куда уж вникнуть в замыслы существ, коим более десяти веков?! И тут подкрадывалось сомнение: если уж последний из эльфов и мог прожить столь долгую жизнь, то что насчет редринки? Наверняка мать — самозванка, хоть и *обладает*. Но пока дочь не сообразила, как использовать подобное подозрение против нее.

Летопись времен истерлась, а Эвелир не собирался делиться с ней сокрытыми под толщей песка тайнами (помимо тех крох, которые она откопала сама; в конце концов, Занзара — не историк и не ученая).

Но что бы там ни случилось, теперь город эльфов принадлежал редринам… а Занзара с Бронти служили их царице. И ведь не выпутаешься из этих цепей! А все по одной простой причине: плевать, что Фидес их взрастила, а они должны благодарить воспитательницу за сию блажь, проблема в ее мощи, возрастающей год от года, если не с каждым днем. Никто не сможет остановить редринские орды: ни эльвины, ни нудары, ни гуммы, ни джархи. По этой причине нударская леди предала принцессу Ливию и вслед за королем Аргольдом примкнула к Фидес, и Занзара тоже выбрала верную сторону. Вскоре это место станет центром Ойры, а редрины заполонят Мэриел от Нуда до Зуна и от Вера до Уна.

Но покамест оплот зверолюдов напоминал руины — вот что случается, если только брать и ничего не давать взамен. Редрины жили разбоем и подачками — Мэриел откупался от Фидес, зунары почитали ее как богиню и тащили разнородное добро (что по сути тот же оброк, лишь бы она их не терроризировала). И дань шла далеко не на градостроительство.

О прошлом величии Эвелира (да и Старого Мира в целом) напоминали остовы строений: колонны, ступени, остатки башен и даже статуи. Архитектура имела формы настолько крупные и объемные — с трудом верилось, что столь грандиозные города пали под натиском дикарей. Воображению — стоит лишь мысленно разметать песок и дорисовать продолжение любых развалин — представали такие виды, от которых захватывало дух. Занзара отдала бы многое, чтобы посмотреть, как выглядел Эвелир в древности.

Редринам никогда не возвести ничего подобного…

Их поселение окружало сплошное запустение (и оно же давно проникло в каждое обиталище). Основная часть городища напоминала муравейник и вздымалась изрытой подземными ходами шапкой, а среди последков Старой Эпохи громоздились теперешние уродливые жилища и смотровые башни — из булыжников, бревен и шкур. Южнее расползались пустыни Зуна, а на Севере — чахлые леса, состоящие из полумертвых кривых деревьев. И только сотню ллигад спустя рыжий песок заканчивался, сменяясь зеленью, — уже в землях королевства Мэриел, на которые и Фидес, и ее подданные взирали с нескрываемой завистью, алчностью и нетерпением — в ожидании часа, когда смогут разорить соседние владения.

Еще бы! Днесь все кричало об упадке, ведь редрины не творили, а лепили будущее из крошева мира, который самолично и изничтожили.

И есть иная причина. Разруха воцарилась не только из-за здешних обитателей и их всепоглощающей тяги к уничтожению и истреблению.

Виной тому красный камень.

Занзара его опасалась, другие ему поклонялись.

Он давал силу, но пожирал жизнь — не только обладателей, связанных с ним узами Фатума, но и всего Эвелира, каждого его жителя.

Мать лишь усмехалась, стоило озвучить сию догадку, наставник — помалкивал. Но их подтверждение и не нужно. Девушка просто чувствовала это. С самого детства кристаллы пугали ее. А сейчас, пожалуй, страшилась она их еще пуще. Что насчет Бронти? Тот вечно повторял за ней, раз уж храбрая “Девочка” чего-то боится, то и “Мальчику” следует.

В общем, держались оба от проклятого чуда света подальше.

Но царица проводила рядом с громадой кристаллов почти все время… Она стала хранительницей камня и распорядительницей утраченной силы — на пару с наставником они додумались, как вытянуть оттуда *отголосок* обладания и наделить им любого… Вот почему Фидес обрела власть и диктовала условия странам с современными армиями и флотом.

Все это разом нахлынуло на Занзару. Возвращение в места, где ты вырос, всегда пробуждает воспоминания и думы, и в этом случае она не стала исключением, хоть и воскрешала в памяти их с братом детство и отрочество без душевной теплоты и иных нежных чувств.

— Дом, родной дом… — проговорила девушка, вдохнув пыльный и сухой воздух, стоило ступить в кишащий редринами оплот. Бронти лишь насупился.

Местные их знали в лицо, тут и не затеряешься в толпе (та расступалась с поклоном).

А дети самой величайшей редринки — понурые и уставшие — шли прямиком в логово царицы (дворцом, замком или крепостью ее обитель никак не назвать), боясь встречи с матерью, которую подвели и чьих надежд не оправдали.

Найденыши не могли предположить, начнет ли она злиться или возликует, если все сталось по ее хитрой задумке. Допустим, верно второе, тогда беспокоиться не о чем — а они удостоятся похвалы (главное не обольщаться и не шибко надеяться, ведь судьба преподает жестокие уроки).

Занзара и Бронти прошли по тоннелю и оказались в куполообразной пещере, которую пронзил насквозь гигантский изогнутый клык — красный камень. От него исходило зловещее свечение — крадучись, пятна света ползли по стенам.

Занзара нехотя глянула сквозь толщу породы и врезалась взором в темное пятно — в *его* тело.

“Ну да, тут как тут, куда ж *ему* деться?”

Она старалась не думать о таком конце: стать пленником камня — незавидная участь! Но оттого друза и считалась диковинкой, чудом, величайшей ценностью во всем Мэриеле. И это сокровище — причудливый саркофаг короля Варлага — принадлежит царице Фидес. Или же наоборот, он *владеет* ей?

“Так тихо и темно, — подумала Занзара, обходя кристалл и сворачивая в очередной тоннель. — Тишина и мрак остаются вечными хранителями страшных тайн прошлого и никогда не покидают эту пещеру, однажды даровавшую им приют. Они пришли до нас и останутся здесь навечно… Это и есть бессмертие, *Король-Обладатель*?” — Ее передернуло.

От странных, будто бы чужих, мыслей по коже пробежали мурашки, как тогда, на крыше. Только тут-то не холодно…

“И Колесо по-прежнему молчит”. — Она остановилась перед проемом в тронный зал и прислонилась к стене. От волнения дыхание участилось, а удары сердца эхом достигали висков. Бронт переминался с ноги на ногу и мотал головой подобно быку. Да, он тоже слышал нечто. Рядом с камнем любой чувствует *его* присутствие.

Но они уже здесь. Чего же тянуть?

— Пошли, — бросила она и первой вошла в залу.

— Ну наконец-то! — Редринская владычица как раз закончила трапезу, отбросила в сторону кость (ту поймала багровая авэ, устроившаяся на бивне мамутского черепа), и поднялась с костяного трона.

Грива бурых волос обрамляла топорщащиеся уши, а меж тонких губ сверкнули клыки. Ее строгий взор пылал недобрым желтоватым огнем, а хвост недовольно покачивался из стороны в сторону.

Мать медленно подошла к воспитанникам.

— Моя царица, — Занзара опустилась на одно колено. Бронти сделал то же самое, но молча — спрос ведь не с него, а с сестры; это она — главная, пусть отдувается. Дочь продолжила: — Мне жаль, я потеряла весь отряд и явилась к тебе без благих вестей.

— Но все-таки ты здесь. — Ее слова звучали тихо и холодно, в них не проскальзывала ярость, одно лишь хладнокровное спокойствие.

— Я…

— Достаточно лепета. Встаньте, — приказала Фидес. Разочарование. Отрешение. Неприязнь. Чего и следовало ожидать…

— Дай мне еще один шанс! Прошу тебя, мать! — взмолилась Занзара.

— Я же сказала — это все. — Да, так и сказала, но чужими устами.

— И *"это все"* имело смысл? Хоть какой-то! Имело? Если бы ты могла мне довериться! Поверить в меня! — Дочь осмелела и получила то, чего хотела, — материнское внимание.

Но Фидес не успела ответить.

В залу — вот так просто и нагло — прошел чужак. Мужчина. Гумм. На темных доспехах виднелись следы запекшейся крови, которую он так и не смыл, похожий на одно крыло плащ стелился за ним, поднимая оранжевую эвелирскую пыль, а длинные седые патлы развевались в такт уверенной поступи. Пепельное безжизненное лицо вполне могло принадлежать только что усопшему, на худой конец — страдающему морской болезнью и кровавым поносом одновременно. Но вот его глаза! — в них полыхали искры. Сила! Он вкусил *обладание.* Зачем же еще он оказался тут?

— Девочка, теперь я займусь эльвинской тварью, — надменно выплюнул гость.

— Ты? — прошипела Занзара, когда удалось разглядеть чужака получше.

Перед ней стоял герцог Корделл Бастер из Чагрина, он служил королю Мэриела — дряхлецу Аргольду. Его ей уже доводилось встречать (и не раз). Более мерзкого и алчного создания не сыскать. Но теперь мать заключила сделку и с ним? Значит ли это, что Фидес убирает фигурку Аргольда с доски и готовит новую преданную марионетку, чтоб править гуммами?

— Мои дети позаботились о том, чтобы принцесса оказалась в незавидном положении, сейчас она бродит в Нуде с жалкой горсткой сторонников. — Царица повернулась к мужчине. — От вас же я жду признательности за те дары, которые вам вверены, герцог.

"Постойте-ка! — Занзара встрепенулась. — Так нударка упустила девицу?! И что, отныне мать каждого подлеца начнет нанимать, чтоб они изловили беглянку? Или она так играет с ними? Проверяет? Джархи разберет эту хитрую кошку!"

— Я поймаю девку, моя царица. И приведу к тебе каждого эльвина, всех до последнего! — заявил тот и отвесил поклон Фидес.

— Принцесса, всего наилучшего, — с издевкой попрощался он с Занзарой, прекрасно зная, титул матери едва ли имеет к ней отношение. Бронти он и вовсе проигнорировал.

Из темных проемов выползли редрин с редринкой — в плащах и масках, которые носили избранники камня, — и устремились вслед за Корделлом.

"Мать к нему помощников приставила, вот тебе на! И не простых, а *обладающих*!"

— Почему ты не дала силу мне? — Она провожала взглядом спину герцога и слуг Фатума.

— Потому что не желаю тебе подобной участи. — Царица смягчилась, но лишь на миг. — Для тебя, дочь, у меня иное задание, — продолжила она привычным приказным тоном, — вы вдвоем отправитесь в Итолу и напомните королю про его обещание. Он начнет упрямиться. Убедите старого дурака в том, что мы поддержим его атаку на Хорград и огнепоклонников, а

еще поможем приструнить выскочку-кёнига из Нуда. Послание я подготовлю к завтрашнему утру.

— Ты решила вмешаться в мэриельские распри?

— А ты сочла, что сумеешь меня отговорить?

— Нет, мать. Я исполню твое повеление и на сей раз не подведу.

— Хочется верить… — промолвила Фидес. — Да прибудет с вами мое благословение. — Она лизнула Занзару в лоб, провела когтистой рукой по щеке Бронта и, не оглядываясь, покинула тронную залу.

Бронти озадаченно проводил ее взором.

На некоторое время найденыши застыли, наблюдая, как авэ слетела на стол и устроила пир, беззастенчиво клюя объедки царской трапезы. Глазницы колоссального черепа позади трона пожирали Занзару, ей чудилось, что она в них вот-вот провалится.

“Нет, находится тут нестерпимо!” — Она направилась к проему, Бронт — за ней.

— И что теперь? — тихо спросил брат уже в извилистых ходах. — Ты разобралась в ее замыслах?

— Нет. Без малейшего понятия, что она удумала и зачем. Герцог, юнец Берхард, старик Аргольд, нударская дама… Король-Обладатель и Фатум… Грядущая свара в Мэриеле… И посредине принцесса эльвинов. Как они связаны?

— Давай спросим у Катэля. Он наверняка что-то да слышал… — предложил Бронти, пожав громадными плечами.

— Ладно, потопали в узилище, навестим эльфа… А после нас снова ждет путь. — Занзара глянула на красный камень, думая о том, что хочет незамедлительно покинуть Эвелир и больше никогда сюда не возвращаться (либо, на худой конец, не возвращаться некий длительный период).

“Мать ведь ничего не говорила о личном докладе после выполнения поручения? Нет. То-то же”.

Глава 3. Грозовые тучи

Мораг не оказалось дома, и Ричарду пришлось дожидаться старуху. Он уже всерьез подумывал о том, чтобы почитать книжки Ильды прямо на крыльце, дабы скоротать время. Но отчего-то так и сидел в безделье, глядя на округу.

Потом ему хотелось оставить все на пороге, но тогда придется заходить за деньгами в другой день (“Раз уж явился, делай все до конца!”).

В итоге заказчица наконец явилась (немного засиделась у жены мясника). Соврав, что он и сам только подошел и ничуть не ждал ее битый час, парень получил деньгу, охапку книг для наставницы, отказался от любезно предложенного чая и спешно откланялся.

Начало капать. Сперва Ричард решил вернуться к целительнице и сбыть порцию романов, но после передумал — кто его знает, вдруг дождь затянется? — нет, надо двигать домой!

Он укрыл сумку плащом и побрел прочь из города по раскисшей дороге.

И, разумеется, вернулся гораздо позже, чем рассчитывал, столкнувшись на пороге с тетей Авророй (Вейа — ее точная копия: у сестры отца те же черные волосы, голубые глаза и тонкие черты, только взор — холоднее самой лютой зимы, а красивое лицо за последние несколько лет приобрело оттенок некой капризной жесткости).

Аврора (впрочем, как обычно) выглядела расстроенной: на губах заеды, а глаза покраснели, будто она только что плакала (так поди есть, ведь ревела тетка по любому поводу).

— Здравствуй, Ричард. — Голос у нее осип. — Где тебя непутевого носило? Все уже отобедали.

Тот поздоровался (ибо не видал ее с утра) и кратко объяснил, что доставлял заказ, а с этим возникла загвоздка. Скинув плащ, он вместе с Авророй направился на кухню, где Вейа и его родители просто сидели, болтая о пустяках (кузина заговорила им зубы, чтобы отлынивать от послеобеденной работы).

— Как дела, сынок? — спросил отец. Выглядел он чуть старше своих лет, в густой гриве каштановых волос уже мелькали белесые нити, а прищур ясных глаз окружили морщины.

— Вполне себе. — Парень устроил в уголке сумку.

— Жаль, что ты не пришел вовремя. Все уже остыло, — причитала мать. Дрова приходилось расходовать бережно, чтобы вновь топить очаг ради одной-единственной порции.

— Работа, ничего не поделать. — Голодный Ричард с удовольствием принялся за чуть теплое жаркое и пирог. — Сегодня ухожу в лес до ночи. Травы надо собрать, пока они взошли. — Он обтер миску куском хлеба.

— А днем никак? — поинтересовался отец. — Много ли впотьмах разглядишь?

— Ильда говорит, надо их сорвать в темное время. После останусь в нашем домике в лесу, чтоб не бродить впотьмах.

Леонард пожал плечами и пробурчал:

— Чудачка наша Ильда! Ладно, ступай, только будь осторожен. И лук не вздумай брать, а то заметит кто, решит, что ты до распоряжения барона собрался куропаток пострелять.

— Да знаю, знаю. Он мне и не понадобится.

— А можно мне с Ричардом? — Вейа умоляющим взглядом посмотрела на Аврору.

— Нет, ты еще слишком мала, чтобы бродить по лесу в ночи! — отрезала та.

— Но, мама… — сопротивлялась Вейа. — Я уже вовсе не ребенок! А ты мне ничего не дозволяешь! Уйду тогда в послушницы!

Повисло молчание. Тетя помрачнела.

“Ох, кузина опять перегнула палку, ведь в девичестве родители отправили Аврору в Конгрегат… Там она, правда, зазнакомилась с Эриком, они влюбились, после сбежали из храма, а вот вам последствие их буйной юности — сидит и хлопает глазами!” — Ричард напрягся, ожидая развязки.

Своевременно вклинился отец:

— Сестра, ничего не случится, если ты позволишь ей прогуляться разок по лесу, пусть и вечером. Девочка поймет — там нет ничего интересного, да и проситься более не станет.

— Нет. Она остается дома. И без того украла товары и продала их!

— Так ведь я принесла деньги в дом! — возмутилась Вейа. — Какой прок от тех вещей, которые лежат без дела?

— Вейа правильно поступила. Молодец, племянница!

— А тебя не спрашивали! Пусть Лана тебе родит дочь, вот ее и воспитывай! А мне не указывай.

— Я глава семьи!

— И что толку?

— Может, прекратите наконец?! — Ричард встал из-за стола. Ну, право, весь настрой испортили!

Но отец и тетка не вняли его словам, обвиняя друг друга в том и сём, припоминая всяческие детские обиды и давно почивших родителей — бабушку и дедушку Ричарда и Вейи.

— Ребята, ступайте-ка к себе. — Иоланта положила руки им на плечи и повела прочь. — Скоро угомонятся.

Ричард подхватил мешок, и все трое покинули кухню.

— Пойду посмотрю, как там наши гуси поживают. Выберу одного на праздник…

— Мам, ведь льет же.

— Так я не растаю, дорогой. Проветрю голову заодно. — Накинув плащ, она засеменила к дверям.

— Вейа, следи за языком, будь добра, — предостерег Ричард, пока они поднимались на второй этаж.

— А что я такого сказала?!

— Что уйдешь в послушницы.

— Да не из-за этого они сорвались! Когда я вернулась, оба уже, видать, пособачились из-за этой треклятой лавки или еще чего… и сидели надувшись. Ты застал тлеющие угольки.

— А ты капнула маслом.

Она протяжно вздохнула.

Ричарду не нравилось разногласие, поселившееся в их доме. Ведь они всегда жили дружно… ну, до ухода Эрика. А теперь, всякий раз, стоит слово сказать, отец и тетя лаются.

Вместе с Вейей они поднялись в его довольно просто обставленную спальню: в углу примостился большой сундук, подле — стол, заваленный книгами и свитками, у двери к стене крепилась вешалка, на одном из деревянных крючков, среди одежды, висел лук и колчан со стрелами (в последний раз он пользовался им той весной). На полках все еще теснились деревянные лошади и солдатики, каких-то вырезал Ричард, других — отец и Эрик. Если честно, он уже не помнил, когда хотя бы вертел их в руках, ведь стал слишком взрослым для подобных забав, но никак рука не поднималась запихнуть игрушечное войско в ящик или раздать ребятне.

— Так ты не пойдешь со мной? — Ричард повалился на кровать.

— Не хочу расстраивать маму, ей и без того тяжело.

— Ну тогда давай что-нибудь почитаем до того, как я уйду… — предложил брат. — Бабуля Мораг дала мне пару книжек для Ильды.

Он извлек из сумки несколько книг разного размера и толщины.

— Да, не помешает отвлечься… — Вейа взяла в руки увесистый том в черном и немного облезлом бархате. — Хм, “Сердечное прости”... — пробормотала она, раскрывая книгу и пробегая по страницам, которые перелистывала, будто в поиске того самого прощения из названия. — Хм, думаю вполне любопытная история, — заключила она, вернувшись к началу.

— Или грустная, — добавил Ричард, уткнувшись в еще один любовный роман с названием “Фиалки пахли сиренью”.

Все они одинаковы, любимые романчики Ильды, — сначала героев ждало счастье, а потом оно оказывалось мнимым. Все эти страдания длились добрую половину сочинения, а затем все снова радовались, но уже по-настоящему, еще более, чем прежде. До кучи — жили долго, до скончания веков, — куда же без этого? Особо от детских сказок эти очень взрослые произведения ничем не отличались.

Он бы предпочел книги про мореплавателей или путешественников, но Ильда и Мораг любили *такое*. Торговцы же возили то, что покупают, в свой черед романисты писали по запросам публики, а печатные дома выпускали любовные романы в свет. Этим и богаты. А многие в Бертлебене и вовсе не читали (по причине отсутствия свободного времени для столь бесполезных утех).

Ричард и Вейа умели читать (в этом нет ничего особенного, сейчас из-за образовательных реформ короля Аргольда учат грамоте каждого), их родители — тоже — но застать тех с книгой в руке удавалось разве что перед сном. Это для них, скорее, ритуал такой. Отец листал одну и ту же книжицу годами, читая по одной странице в день, порой и вовсе возвращаясь к тому месту, которое он, вероятно, забыл. Этой книге про жизнь в Предгорье позавидует любая другая, ну, если бы книги испытывали чувства. Ее никогда не уберут на полку, где она будет пылиться, никогда не отдадут, она никогда не закончится.

До того как они пошли в школу, их *букве* учила тетя Аврора. А Эрик просто обожал читать им перед сном. Он, конечно, как позже понял юноша, добавлял в сюжеты сказок свои собственные, но это ничуть не мешало. Когда они научились читать по слогам (и только вслух) сами, то взялись за книгу со сказками и поняли — написано там совсем другое. Может, в этом и таился смысл? Нужно лишь прочесть пару строк, а затем выдумать собственную историю?

Обучение чтению занимало почти все время уроков в бертлебенской школе (еще они осваивали письмо и счет), в которой дети учились с десяти до тринадцати лет. Для фермера большего и не нужно, но вот для целителя — таких познаний явно маловато.

Вейа окончила школу год назад, это избавление безумно ее радовало. С той поры как он сам выпустился, прошло уже четыре года. Ему казалось, случилось это только вчера, но время кружилось в слишком быстром танце.

Стало тихо, раздавалось лишь ровное дыхание брата и сестры. Оба погрузились в книги, забыв обо всем.

В историях про любовь есть некая польза, можно поглядеть, как ведут себя герои, и не повторять их ошибок. Маловероятно, но могло пригодиться. Например, если пригласить Нору Беретт на прогулку. А вдруг там имелись ответы и на другие вопросы?

Происходящее между их родителями очень беспокоило Ричарда и Вейю. Но они решили пока не вмешиваться в эти дела, веря (или, скорее, надеясь), что все само образуется, стоит только Эрику приехать.

— Так странно… — неожиданно проговорила Вейа, поднимая глаза.

— Что тебе кажется странным? — поинтересовался брат, отложив книгу, в которой одна героиня, самозванка, как оказалось, выдавала себя за другую девушку. Ему думалось, “долго и счастливо” в этом случае может не наступить. Обман всегда раскрывается, а “Сердечного прости” порой недостаточно, чтобы все снова стало по-прежнему.

— Как мы сидим вместе и читаем, — отвечала кузина. — Я так рада, что у меня есть близкий человек, на которого я могу положиться, поделиться с ним всяческими тяготами и думами. Вот они, узы любви и дружбы!

— М-м-м, и кто же этот счастливчик? — Ричард заулыбался. — Да, понял я, понял, не смотри на меня так! — он запрокинул голову и рассмеялся. — Любовные романы, похоже, на нас дурно влияют, сестренка!

— О да! Но в этом и смысл… наверное. Измениться и говорить всем сердечное прости, сердечное люблю и сердечное отвали от меня, козлина!

— Хоть ты и бываешь врединой, я тебя люблю огромной сердечно-простительной любовью! — Он изобразил десяток воздушных поцелуев, раздавая их Вейе обеими руками.

— Помогите! Меня настигла волна внезапной братской любви! — расхохоталась Вейа, отвечая ему тем же.

Так они и коротали время до самого вечера. Родители их не тревожили работой по дому, зная, что Ричарду предстоит провести ночь в лесу… Или же им стало совестно за неподобающее поведение (по крайней мере, ругань давно прекратилась, а новую склоку они не учинили).

Когда начало смеркаться, они зажгли огарки, парень принялся за сборы, а Вейа помогала укладывать вещи. Он еще раз изучил список необходимых Ильде растений и грибов, убрал его в мешок, на пояс приладил ножны с кинжалом, взял фонарь. Вот и все! Ученик-целитель готов!

Кузина похлопала его плечу, прихватила книжку, чтобы закончить чтение, и пошла к себе.

Ричард заглянул в родительские покои. Мать сидела одна и занималась штопкой. Он узнал, что отец и Аврора на кухне, пожелал ей доброй ночи и спустился вниз.

И только собрался зажечь фонарь, как до него долетел тихий плач.

— Аврора, ну перестань думать о нем! Детей изводишь и меня! — раздался голос отца — напористый, хлесткий, но недостаточно громкий, чтобы разнестись по всему дому. — Сестрица, дура ты, мерзавец бросил вас! До сих пор не дошло?

— Не смей так говорить! Вдруг Эрик погиб?! А ты…

— Погиб? А то как же! Это мы здесь гнем спину, каждый арг считаем, а он где-то обретается, не зная забот! Бросил дочь… И тебя! Убежал назад, к папаше, не иначе! А тот и запретил сыночку знаться с вами. Раскрой глаза, таким, как они, мы — не чета.

— Но мы происходим из древнего рода. Мы — *его* ветвь, в нас течет кровь Щита Людского.

Ричард так и обмер. Сперва они говорили про Эрика… А теперь о чем? *Чьи* потомки? Что еще за щит? Парень хотел пойти прочь, но будто врос в пол — ноги не слушались. Тогда он вжался в стену, затаил дыхание и продолжил подслушивать.

— Ты всегда верила бредням отца про исключительную особенность. Всегда веришь подлецам, этого у тебя не отнять.

— Но детьми мы жили в замке.

— Жили, покуда все не потеряли. Покуда Аргольд не прикончил папашу, а мать не сошла с ума. Теперь наш дом тут. Ныне мы работяги из Бертлебена. Хотя тебя *работягой* и не назвать, но ты больше и не герцогиня. Больше нет. Твое дело малое, Аврора, сидеть и не высовываться, поэтому-то я тебя отправил к жрецам. И что ты учинила? Даже посвящения не прошла, тут же охомутала сыночка патера и заделала ему дитя. Так святоша и проел плешь твоему “муженьку”! Но мы-то с Ланой рядом, мы любим и Вейю, и тебя.

“Выходит, не дедушка отослал Аврору в Конгрегат, а отец!” — Ричард не мог переварить их разговор, хотя и знал толику правды — его дед и бабка по линии отца умерли в Гладии, оттуда же Леонард и Аврора перебрались в Предгорье. Но вот остальное… Так их дед — получается, герцог, которого убил король? А дядя — сын главного жреца? Ну и дела!

— Ты ему рассказала?!

— Нет.

— Не ври. Этим собиралась его удержать?

— Нет, Леонард. Нет.

— Потому что это ничего не значит. В нас лишь капля его крови, но она отравила весь наш род. Он был плохим человеком, очень плохим. Тут нечем гордиться. Поэтому мы — Эджины, просто Эджины, а М…..ы умерли, — Тут Ричард толком не разобрал родовое имя, — Все до единого умерли, — продолжал отец. — Вот и все. И притязать на что-либо мы не можем, ради нашей безопасности, ради детей и их будущего.

— Без тебя знаю.

— Если ты об том взболтнула Эрику, нам грозит беда… и придет она пусть не сегодня-завтра, но скоро и негаданно.

— Не взболтнула.

— Клянешься?

— Клянусь.

— Что ты натворила?! Уж мне-то не лги! Ты ему рассказала!

Аврора издала какой-то нечленораздельный возглас. Леонард ругнулся.

— Тогда скажу еще кое-что: знай, что у него есть другая женщина. Женщины. Другие дети.

— С чего ты взял?

— Потому что я не ослеплен обаянием сыночка священника, который обдурил и тебя, и Лану, и даже Ричарда. Ни священники, ни их отпрыски — не святые. А Эрик Вебранд — и подавно.

— Теперь ты лжешь, чтобы задеть меня.

— Нет, сестра. Прости, что скрыл… И я рад, что он исчез из нашей жизни. И очень надеюсь, что умер, а вместе с ним — и наша тайна.

Аврора завыла.

Ричард далее не стал их слушать. Прошмыгнул к выходу, пока отец и тетка его не заметили. Хорошо, что не зажег огня тут, в доме!

И как бы он ни хотел выкинуть из головы едкие слова отца и всхлипы обиды Авроры, они явственно звучали в вечерней тишине.

Бросил. Сбежал. Другие женщины. Другие дети. Он был плохим человеком. Гордиться тут нечем. Весь наш род отравлен. Мы — его потомки. Нам грозит беда… Отныне мы просто

Эджины… Клянешься? Клянусь. Обдурил тебя… Ты лжешь! Нет. Надеюсь, что он умер…. А с ним… наша тайна.

Его сердце и без того обливалось кровью из-за исчезновения дяди и от извечных ссор, теперь же юноша терзался оттого, что ненароком подслушал… невесть что… нечто, не укладывающееся в разуме. Он-то считал, что всю жизнь прожил в местечке, где ничегошеньки не происходит, а оказывается, страсти так и кипели-бурлили под крышей их дома, а ложь его так и обвила плющом!

И ведь мать тоже ничего не знала… Ведь не знала же? Так кто кого обдурил? Конечно, отец хочет их защитить… Да, он невзлюбил Эрика, но… Дядя не такой… Он ведь знает его!

“Или нет… Я не знаю по-настоящему никого из них — ни отца, ни Аврору, ни Эрика. И остается надеяться, что Вейа погрузилась в “Сердечное прости”, не последовала за мной, потому что забыла сказать некую глупость или хотела подшутить, но застыла на ступенях и подобно мне вслушивалась в их разговор… Так хочется верить, что она этого не сделала!”

Ричард прошел по двору в фиолетовый сумрак. Дождь давно кончился, но небо затянули черные тучи, обещаясь разразиться бранью не хуже той, что постоянно звучала в их доме.

Только отойдя на достаточное расстояние, он зажег фонарь, не без дрожи в руках, чуть не выронив спичек. После, не оглядываясь, помчался в сторону кромки леса за их скромными угодьями.

Вскоре деревья обступили его со всех сторон.

Глава 4. В ночном лесу

Прохладный ветерок трепал волосы Ричарда. В голове немного прояснилось, до этого в ней эхом раздавались слова отца и тети Авроры, летели вслед за ним, преследовали будто разъяренный осиный рой.

Однако довольно скоро разум начал вытеснять то, во что верилось с трудом, *то*, чего парень самолично не видел, *то*, что никто при нем не поминал (исключая подслушанный разговор). Думы о семейных тайнах прошлого схлынули, сменившись переживаниями более насущными, — касательно дяди.

“Эрик так не мог поступить с Вейей! — твердил он. — Просто отцу он никогда не нравился, вот и ляпнул со зла про него разные гадости!”

Юноша остановился и огляделся, придя в замешательство, ведь и не заметил, как по вьющейся меж стволов тропе умчался глубоко в лес, где дорожка попросту поворачивала назад. Далее бертлебенцы не хаживали. Ричард едва ли верил россказням про проклятия и чудовищ, но одно дело, когда слушаешь их в светлой таверне, а другое — если припоминаешь жуткие байки, находясь близ непролазной чащи, которая гудит и даже, кажется, шевелится, полнится шорохами, треском, криками ночных птиц.

Он сглотнул, положил пальцы на рукоять кинжала, поднял фонарь повыше и развернулся. Нет, там ему делать нечего. Парень зашагал назад (не на это ли так и намекала петля тропинки?).

Лес начинался в горах Дридвинн и спускался по склонам в долину, правда, тут, в Предгорье, значительно редел. Наконец деревья расступились, поляны стали шире, а чуть ниже, меж стволами, замаячили огни городка. Вот, другой разговор, тут искать травы самое то!

“Что ж, пора браться за дело. Утро вечера мудренее, догадки и метания лучше покамест отложить, чтоб не зазеваться и не споткнуться о корни или хуже — угодить в овраг”.

Ричард сошел с дорожки, теперь ступая по прошлогодней листве — та размокла от дождей и туманов и чавкала под сапогами.

Деревья растопырили кривые ветви точно когтистые лапы. Когда ветер касался их, они протяжно стонали и скрипели, раскачиваясь из стороны в сторону будто живые. Почки едва

набухли, но травы пробудились куда раньше, а мазки снега и растительная падаль им ничуть не мешали распустить листья и цветы. Во мраке зеленая поросль казалась сине-фиолетовой, принимая привычный цвет только тогда, когда свет фонаря выхватывал ее из сумрачной иллюзии.

В этой части парень уже хорошо знал все поляны и тропинки, склоны и ямы, поскольку хаживал сюда более чем часто, так что темень ничуть не пугала и не мешала поискам. К тому же ветер помог — угнал грозовые тучи на Юг, позволив Клиндору освободиться из их плена и воссиять серо-голубым светом.

“Любое ненастье однажды проходит, стоит лишь чуть подождать. Пусть так станется и с нами”.

Он тотчас отыскал Вороний Глаз — голые и длинные стебли, мелкие листья и синие округлые цветы, расположенные по отдельности, колосом (во тьме они действительно напоминали черный птичий глазок). Но на этом его поручение не заканчивалось, в списке значился еще десяток влюбленных в сумерки растений (и грибов — как бы про этих дружочков не забыть, ведь найти их труднее!). Срезав молодые побеги ножом, ученик-целитель двинулся дальше.

Вечер сменился ночью, сумка пополнилась сырьем. Вот и все. Когда совсем стемнело, а луна скрылась за новой пеленой облаков, Ричард решил передохнуть на прогалине возле реки Луаны, недалеко от хижины, которую они давным-давно построили с Эриком и Вейей. Он бы мог вернуться домой, но по понятным причинам не хотел этого делать, отдавшись на милость одиночества. Сидеть в четырех стенах отсыревшего охотничьего домика — тоже не то, в чем он сейчас нуждался (разве что, в крайнем случае — если начнется дождь). Посему парень развел шипящий костерок, отыскав более или менее сухие ветки, и устроился под открытым небом.

Сегодня ему повезло, он без особого труда нашел все необходимое. Заработал денег, а завтра получит одобрение наставницы. Еще год-два трудов — и скопит на экзаменацию в гильдии аптекарей, а там и устроится в поселении покрупнее (соперничать с Ильдой в Бертлебене он не собирался, как и вечно трудиться в качестве ее подмастерья). Там, в большом городе, начнет практику, сможет обеспечивать себя, родителей и Вейю, поможет кузине разжиться приданным и даже устроить свадьбу. Вот так. Уходить с концами и бросать родных он не собирался.

“Лучше уж учиться на чужих ошибках, чем на собственных… Что ж, дядя, урок усвоен”.

Так Ричард и грезил перед огоньком, кутаясь в теплое шерстяное одеяло, покуда им не овладела дрема. Он зевнул и прикрыл глаза.

Но неожиданно раздался хруст, в тишине прозвучавший подобно раскату грома. Сборщик трав вскочил, выхватил кинжал, но так и замер.

Во мраке полыхнуло два сиреневых огонька… А затем он увидал девушку в светлом платье. Она выплыла из мрака и тоже застыла на краю поляны, там, докуда доходил круг света от костра.

Призрак! Или же нет?

Ричард чуть опустил оружие, потер свободной рукой глаза, ущипнул себя за ухо, чтоб отогнать морок.

“Нет, не пропала… Так и стоит на месте”.

Их взоры встретились (“Никаких светящихся глаз… Ух, показалось!”), девушка примирительно выставила руки, что-то прошептала, но тут же пошатнулась, рухнула на землю и более не шевелилась.

— Эй, что с тобой?

Юноша, отринув испуг, кинулся к ней, опустился на колени подле и содрогнулся — ведь на теле девушки нет живого места! — тут и там он различил многочисленные ушибы, ссадины и раны, а некоторые из них — совсем свежие.

Он продолжил осмотр: изможденное тело обволакивала одежда из легкой, почти невесомой ткани — чужеземной работы, не иначе, некогда великолепной и явно дорогой, но ныне много где изорванной и покрытой пятнами запекшейся крови. На поясе у странницы висел меч в красивых ножнах, но никаких иных пожитков при себе она не имела. Кто ж так путешествует?

Он отцепил оружие, приладил ремень на свою талию, поднял незнакомку (она оказалась гораздо тяжелее, чем можно предположить) и понес к небольшому лагерю.

“Где она изранилась? С ней наверняка приключилась беда! Может, повозка сорвалась с горной дороги или еще что? Вот она и шла несколько дней до поселения… Или же бежала от кого-то?”

Он положил девушку на одеяло. Осмотрелся, не появился ли еще кто. Нет, она пришла одна. Что ж, самый момент помочь бедняжке. Остальное — потом! Юноша достал бурдюк с водой, смочил тряпицу, обработал свежие раны. Коснулся горячего лба, немного смущаясь, ведь еще никогда не видал никого прекрасней: стройный гибкий стан, красивое лицо, обрамленное светлым потоком волос…

И тут он понял, что ее красота совсем скоро увянет. Жизнь в ней едва теплилась, вот-вот угаснет… В подтверждение этим мыслям по телу и рукам несчастной пробежала дрожь, ладони стали липкими и холодными, и тут же захрустели кости, все конечности ломали судороги, а изо рта потекла пена.

“Неужели смерть заберет ее?” — Парня охватило отчаяние: Бертлебен слишком далеко, он не успеет донести девушку до лавки Ильды!

— Нет! Не сегодня! — вслух крикнул Ричард, чувствуя пробуждение некой силы. Он готов вступить в схватку с погибелью, чтобы вырвать девушку из ее хладных объятий. — Она должна жить. Я спасу ее! Иначе, получается, зря обучаюсь у Ильды!

Итак, лихорадка, падучая, изнеможение, возможно, отравление... А у него есть все необходимое, чтобы справиться с такими недугами.

“Сперва предположительное отравление… Уголь”. — Он взял давно выгоревшую и остывшую головешку, полил на нее водой, разжевал и… — “Ох, прости, но по-иному никак…” — Прижался губами к ее губам и протолкнул смесь ей в рот языком. С черными губами выглядела она жутковато, точно что призрак, поэтому им больше овладел мимолетный испуг, нежели стеснительность.

Но незнакомка не выплюнула пережеванную им древесную гарь, и он принялся поить ее водой.

“Теперь займемся жаром и ломотой”.

Юноша подкинул хворост в огонь, достал из сумки небольшой котелок, выплеснул в него всю оставшуюся воду и принялся готовить целебное варево из растений, собранных для наставницы, зная, — права на ошибку у него нет.

Вскоре отвар закипел. Ричард разбавил его холодной водой, легкий пар с ароматом трав закружил над котелком. Ильда запрещала так поступать, но сейчас нет времени, чтобы дать вареву остыть естественным путем. Теперь же, когда мех опустел, он влил туда лекарство, процедив его через тряпицу. Приподнял девушку за плечи, удерживая голову, и влил в рот не больше глотка жидкости. Она не закашлялась, а проглотила. Так он и поил ее через некоторые промежутки, между тем занимаясь обработкой ран.

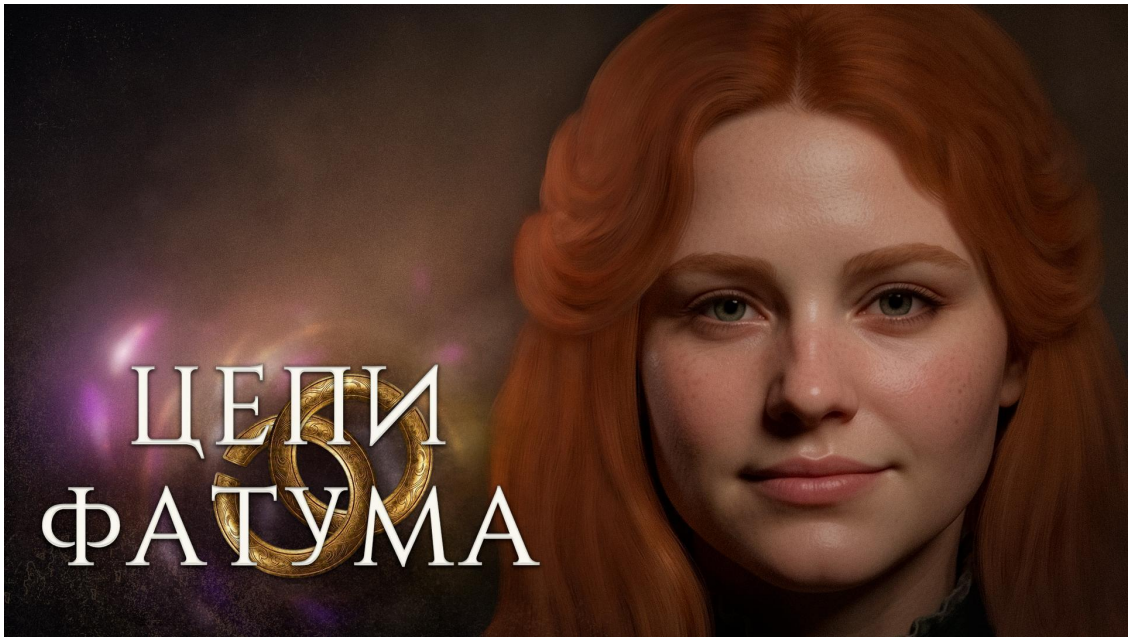
Ей стало немного лучше, жар спадал. Он накрыл себя и ее покрывалом, обнял девушку, прижавшись всем телом, чтобы согреться самому и не дать замерзнуть ей.

Она дышала неглубоко, но ровно, а сердце билось в спокойном ритме (чего не скажешь про него).

“Получилось”.

И теперь уставший, взволнованный, но довольный Ричард соскользнул в сон.

Глава 5. Оковы забвения

“Неужели мне это не привиделось?” — Ричард едва отогнал дремоту, открыл глаза, потер их, но девушка так и лежала подле. Это не сон. Вот же она, прямо перед ним. Ее лицо сохраняло мертвенно-бледный оттенок, но на щеках проступил румянец. Сердце билось, грудь вздымалась и опускалась. Жива!

Он прикоснулся сперва к ее лбу (жара нет), после к руке, легонько потрепал по плечу и позвал несколько раз, но незнакомка в себя так и не пришла.

“Понятно. И что теперь? Не оставишь же ее прямо посреди прогалины? А если снова начнется дождь? — Он огляделся: утро только занималось, низкое солнце пробивалось розоватыми лучами сквозь переплетение ветвей, небо сверкало чистотой, на нем — ни облачка, веселое щебетание ранних птах разносилось окрест. Ну что тут скажешь? — красота! — вчерашнего ненастья будто и не бывало. — Значит, не начнется. Нам же легче!”

Петухи еще не пропели, знаменуя Бертлебену начало погожего и размеренного денька. Обитатели городка покамест спали, досматривая сны (навряд ли кошмарные), которые через несколько мгновений забудутся (или же нет, если в них явилось нечто интересное… хотя куда уж там?). И, конечно, ни с кем ничего этой ночью не случилось, а все самое необычное произошло только с ним.

“Пусть так и останется. Негоже, чтобы хворую странницу нашел кто-то из местных, покуда я побегу к Ильде”. — Парень встал и начал собираться, приладил на пояс меч в ножнах, перекинул мешок через плечо, и поднял незнакомку, решив укрыть ту в хижине.

Будь у него лошадь, он мог бы доставить девушку к наставнице (или хотя бы попытаться) без потери времени, но юного целителя беспокоило ее состояние: а если она не выдержит столь долгого пути, а болезнь вновь возобладает над ней? Явственные признаки давешнего припадка ярко вспыхнули в разуме — разыграйся такой при поездке верхом, можно и из седла вылететь, а коли нет, тогда растревожить раны.

“Оставить в хижине, пойти за целительницей и подлечить ее на месте — вот самое разумное решение”.

Продираясь сквозь колючие кусты, так, чтобы лишний раз не поранить девушку, Ричард двинулся в чащу вдоль мелководного берега Луаны. Шел он осторожно, но быстро, насколько это возможно с его ношей, — странница по-прежнему казалась такой тяжелой. Парень мысленно отмахивался, что дело в его собственной тщедушности, хоть он и вечно помогал родителям и таскал на себе всякое-разное сызмальства. Однако девица — не вязанка дров или мешок с репой, тут нужна иная сноровка и к тому же деликатное обращение.

Наконец он дошел до покосившейся и разбухшей от сырости хижины: каменное основание простоит еще десятки годков, но вот деревянную часть, однажды данную взаймы, природа возвращала назад — древоточцы изрыли доски лабиринтами ходов, пауки оплели прорехи липкими тенетами, мох и лишайники расползлись по крыше, побеги вьюна, ныне сухие и безжизненные, оплетали строение уже не одно лето. Он и Вейа сюда редкий раз захаживали (например, во время разрешенной охоты по весне или осенью, когда собирали грибы и хворост), но вот до ремонта и облагораживания, увы, руки не дошли… Никто тут ничего не делал с той поры, как уехал Эрик. Но сейчас о дяде племянник старался не думать и оградиться запрудой от паводка воспоминаний, ведь он тут не за этим.

Дверь не поддавалась, сколько ни нажимай на нее ногой, поэтому Ричарду пришлось уложить странницу на сухую траву и несколько раз поднажать на доски плечом, после чего и удалось попасть внутрь.

Убранство единственной комнатушки сохранилось лучше, чем могло бы показаться, судя по наружности домика, но пахло прелью и полевками, которые укрылись здесь на зимовье.

Парень устроил ложе из своего покрывала на полу в сухом углу домика и опустил на него девушку, скинул плащ и накрыл ее. Пыльновато, темно и сыро, но всяко лучше открытой поляны, на которую мог заявиться кто угодно.

— Прости за беспорядок, но ничего лучше пока предложить не могу. — С этими словами он отвязал оружие и спрятал его среди залежей старья, очень надеясь, что меч девушке в его отсутствие не понадобится, а если она очухается, то не приставит клинок к его горлу.

Оглянувшись на домик, Ричард помчался в сторону полей, перепрыгивая через поваленные деревья, продираясь сквозь кустарники и сухостой — уже не столь осторожно.

***

Он продолжал бежать, не обращая внимания на боль в ногах и боку, сердце бешено билось, казалось, в грудь впивается нож, но он не останавливался, пока не показался Бертлебен. Только тогда он чуть замедлил шаг, жадно вдыхая прохладный воздух, который будто обжигал легкие.

— Ричард! — Юноша услыхал оклик и нехотя остановился, чтоб поглядеть, кто его звал.

С противоположной от города стороны к нему, чуть прихрамывая, направлялся высокий старик с каштановыми, всклокоченными ветром волосами и такой же, под стать голове, бородой. Звали его Гарретт Грофф. Жил мужчина тут не всегда, а приехал в Бертлебен несколько лет назад (еще при Эрике) из какого-то крупного города в поисках спокойной и размеренной жизни. И, думалось, днесь он и обрел искомое. Как ни странно, своим в доску приезжий стал довольно быстро — будто всегда являлся частью стоячего захолустного мирка, вписавшись в него целиком и полностью. Как-то так же — невзначай — и Ричард с ним познакомился и довольно скоро сдружился.

Грофф ему нравился, тот хорошо относился к ним (Эджинам) и Вебрандам (Эрик, Аврора и Вейа) и порой помогал им по-соседски — советом или мелким делом. Сложись все иначе, парень бы с удовольствием с ним побеседовал, но сейчас, когда жизнь найденной им девушки висела на волоске — не до болтовни!

— Здравствуй, Грофф! — крикнул он. Что-то подмывало его рассказать о странной встрече в лесу, но он смолчал. Чем бы старик помог? — советом да и только, ходит он не так

скоро из-за увечья, а в лечении смыслит уж точно меньше, чем Ильда. — Прости, но очень спешу! В другой раз свидимся! — И с этими словами парень помчался дальше.

Грофф пожал плечами и проводил юношу — лохматого, перепачканного и оцарапанного, в одной рубахе без плаща — озадаченным взглядом.

До лавки Ильды Ричард добрался быстро, толкнул дверь и влетел внутрь, уже не заботясь о том, чтобы ненароком не уронить чего. Ну и какое-то барахлишко грохнулось.

Из дальней комнаты к нему спешно вышла целительница:

— Ричард… — Она с ужасом взглянула на подмастерье. Лицо и руки парня покрыли ссадины, рубашка порвана и испачкана, на губах — чернота. — С тобой что-то случилось в лесу?! Где твой плащ? Ты не ранен?

— Со мной все в порядке, но кое-что действительно случилось… — выдохнул тот, сгибаясь пополам. — Ильда, мне нужна помощь… Возьми самых лучших лечебных зелий и еще что-нибудь для заживления ран и от лихорадки, чистых бинтов, какую-нибудь дамскую одежду, хм, сорочку, например, еще нам понадобится котелок побольше и еда… — перечислил он.

— Прошу, объяснись. Кто-то из твоей семьи заболел?

— Нет времени! — крикнул Ричард. — Позже, позже! Сама скоро все узнаешь.

Юноша обрадовался, что наставница не стала засыпать его вопросами. Она быстро собралась и протянула ему внушительных размеров заплечную сумку.

— Скажи хотя бы, куда мы идем? — Женщина закрыла лавку и последовала за взволнованным учеником.

— В лес, — коротко ответил он, поправляя лямки и выискивая Гроффа (того и след простыл). Прочие же бертлебенцы наставницу и подмастерье особым вниманием не одарили — поутру жизнь бурлила, каждый спешно топал по разным делам, чтоб все поспеть к обеду, и долгих разговоров не затевал, здоровался, желал хорошего дня, да и только.

Ричард шел довольно быстро, удивляясь тому, как это Ильда умудряется не отставать от него и контролировать обуревающее ее любопытство. Конечно, потребовалось гораздо больше времени на путь до хижины, но, судя по нахождению светила, добирались они около часа.

— Вот мы и на месте, — сказал парень, когда показался полуразвалившийся домик. — Сюда.

Ричард отворил покосившуюся дверь, оба вошли внутрь. Девушка лежала на полу в том же положении, в каком он ее и оставил. Парень с облегчением вздохнул, за время его отсутствия никаких бед не приключилось. Больше всего он боялся, что чужестранка оклемается и сбежит… Ведь так зачастую и поступали девицы в любовных романах Ильды — им только дай, сразу вылезут из высоченной башни, темницы, целой крепости, пещеры и прочих мест.

— Это ей требуется помощь? — Ильда осмотрела все и сразу: и девушку, и убогое помещение.

— Да, как видишь.

— Но что с ней случилось? — Целительница села рядом с раненой путницей и коснулась ее лба.

— Не знаю. Ночью столкнулся с ней в лесу, когда собирал травы. Она вышла ко мне и грохнулась наземь — еще бы! — ведь напрочь изможена, изранена и замучена хворобой. Я дал ей пустяковое противоядие, уголь — так, на всякий случай, приготовил снадобье от жара и падучей, обработал раны… Большую часть собранных трав израсходовал, конечно… Ну и ждал утра, чтоб бежать за тобой.

Ильда распахнула одеяло, осмотрела перевязанные раны.

— Горжусь тобой! — Она ласково погладила ученика по плечу. — Ты один на один столкнулся со смертью и поборол ее, спас невинную душу!

Ричард улыбнулся, но вовсе не считал себя героем, он просто оказался там непредумышленно и почти так же спонтанно действовал, пытаясь излечить девицу… Ну не мог же он

сдаться, отказаться от борьбы, раз уж погибель отметила очередную жертву и начала виться невдалеке, зазывая ту в неясный мир теней и шепчущих голосов, где нет ни страданий, ни боли?

Целительница достала из сумки пузырек с лекарством и принялась поить им девушку.

— Нам понадобится вода и хворост.

— Сейчас принесу! — Ричард взял котелок и вышел из хижины. Он направился к реке и набрал воды, а после собрал ветки.

Когда юноша вернулся, Ильда уже обработала раны более действенным и сложным составом, перевязала их чистыми бинтами и переодела девушку.

— Смотри, что я обнаружила, — прошептала целительница и собрала волосы девушки в хвост.

Парнишка чуть не выронил котелок, когда увидел остроконечные уши (уж разглядывать ее уши ему как-то не довелось).

— Ты думаешь… Она... — Его голос слегка дрожал. — Она...

— Эльф? Фея? — закончила за него Ильда. — Не знаю, не знаю… Если бы я их раньше видела… А кто вообще их хоть одним глазком видал? Тем более тут, в Бертлебене! Во дела!

— Или у нее просто странная форма ушей, — пролепетал Ричард, пытаясь найти разумное объяснение, которое казалось чересчур притянутым, учитывая диковинную одежду и снаряжение.

— К слову, при ней вот что имелось. — Парень выудил из груды пыльного скарба оружие и протянул наставнице. Она недолго думала, взяла и выпустила клинок на волю: изогнутое лезвие полыхнуло всеми цветами радуги, солнечные зайчики заплясали по всей лачуге.

— Матушки-батюшки! — воскликнула женщина. Да уж, не только Ричард единолично поразился зрелищу. — Точно что! Ты спас настоящую эльфийку, мой мальчик! Кому ж еще может принадлежать такой расчудесный меч? — Целительница вогнала лезвие в ножны, сияние сразу же угасло, но перед глазами все еще плясали вспышки. Оба сморгнули то ли наваждение, то ли магию, то ли секрет искусной работы чужеземного кузнеца.

— Но ведь эльфов не существует… — Прозвучали его слова оправдательно и неуверенно. — Неужели эта девушка действительно одна из них? Но как такое возможно?

— Откель нам, простым людям, знать, что возможно, а что нет в мире большом и неизведанном… Я тоже никогда не верила в существование эльфов… По крайней мере, до сегодняшнего дня. — Ильда тяжело вздохнула. — И что-то мне от этого не легче, а наоборот… И снова хочется разувериться!

— А если она нударка, просто очень бледная? Не все же они синие и серые?

— Все. Этих уж я видала на Севере достаточно.

— Как ее самочувствие? — Юноша снова припрятал меч, а теперь внимательно осматривал чужеземку (уж эльфийку, фею или морскую ведьму?).

— Скажу без утайки: не очень хорошо. Если точнее, то между “скверно” и “паршиво”.

— Ты же сможешь ее вылечить?

— Постараюсь. Не имею ни малейшего понятия, что с ней случилось, но все эти порезы, обезвоживание, лихорадка и следы отравления! — Она сострадательно прижала ладони к груди. — Мне кажется, она шла пешком откуда-то издалека, а еще на нее напали… и неоднократно… Не только люди, но и какое-то зверье. И самое важное, пожалуй, — пострадало не только ее тело, но и разум. А такие недуги вылечить гораздо сложнее. Тут остается только надеяться… Потому что хоть ее оболочка и тут с нами, душу вполне могла увести на Ту Сторону смерть.

— Но ты же настоящая волшебница! Я верю, что у тебя получится! И помогу, чем сумею!

— Вовсе я не волшебница. Просто мне известны свойства растений, а я использую эти знания для приготовления снадобий. Здесь нет никакой магии.

— Как и нет никаких эльфов, да?

— Магия, эльфы, волшебные мечи… — загадочно проговорила Ильда. — Уж взаправдашнее ли оно все или это причуды нашего воображения с желанием — мы не знаем. Зато кой-чего нам ведомо наверняка — пусть девушка слаба и плоха, но есть шанс, хоть и мизерный, что она поправится при должном уходе. И я его не упущу! Так что хватит грезить, беремся за работу!

Они развели огонь и нагрели воду, стали готовить. Ильда, не обращая внимания на протесты юноши, настояла на необходимости поесть и ему.

— Только прошу, никому не говори о ней, — предупредил Ричард после быстрого перекуса. — В Бертлебене слухи распространяются быстро, не хочу, чтобы кто-то прознал. К тому же Грофф меня видел бегущим к тебе, хоть он и не балабол, но мало ли… обронит словцо у Эвана, а там понеслось! Так и выстроятся тут очереди, на эльфийку поглазеть.

— И не собиралась! — немного сердито воскликнула Ильда. — Пугает меня далеко не ее происхождение, как и не диковинное оружие, раны и трудноизлечимая хворь, а нечто иное, — рассуждала целительница, — более приземленное и понятное каждому — нашу *чужеземку* некто преследовал, бил и травил зверьем…

— Полагаешь, они рыщут где-то здесь?

— Полагаю. Но уповаю на то, что бежала она по лесам сломя голову не просто так и сбросила хвост. В город ей ходу нет, там недоброжелатели станут искать в первую очередь. Останусь здесь и позабочусь о ней. Надеюсь, никто не обратит внимания на мое отсутствие.

— И я остаюсь, — заявил тот.

— Ну уж нет! Тебе нужно отдохнуть, иначе мне придется еще и за тобой ухаживать, да и родные тебя потеряют! Уж тогда-то наверняка начнут шерстить лес и притащат сюда гурьбу народу! Ступай-ка к себе, успокой семейство, а завтра вернешься, заодно пусти слушок, что я уехала по делам. И еще кое-что, вот, ты заслужил. — Ильда покопалась в кошеле на поясе и протянула ему дюжину медных монет. — Купи на рынке еду для нас на пару деньков, остальное себе возьми. А теперь быстро домой!

Ему вовсе не хотелось оставлять женщин одних. Если странницу разыскивают некие лиходеи, то и целительнице грозит опасность.

— Обо мне не беспокойся! — Ильда словно прочла его тревожные мысли. — Я справлюсь.

— Ладно, — согласился юноша. — Оставлю тебе нож. Он-то поудобней сверкающего меча и внимания не привлечет. Будь осторожна, Ильда.

— И ты береги себя.

— Тогда до завтра.

— Да, скоро увидимся, Ричард.

***

Когда Ричард вернулся домой, мысленно поблагодарил Ильду за то, что отправила его отдыхать. Он не чувствовал ног, от усталости болела спина, а глаза закрывались сами собой.

Никому из домочадцев о случившемся в лесу парень не рассказал, а они и особо не выспрашивали. Только отец, которого он застал во дворе, буркнул, де, сын у него грязнуля и велел отдать рубашку матери на почин и стирку. Ричард придумал пустяковое оправданье, что оступился впотьмах и запачкался, вот и оставил плащ (и прочие вещи) у Ильды. Всего лишь маленькая ложь, уж не Леонарду его судить за такое.

К слову, из-за новых переживаний парень совершенно отринул терзания давешние, семейные. Но отец и тетя Аврора вели себя так, точно между ними ничего не произошло (нет, они по-прежнему дулись и хмурились, но к такому Ричарду не привыкать, поэтому сойдет). Вейа и мать, вероятно, ничего вчера не услыхали. Вот и славно! Обе, как обычно, хлопотали по хозяйству, сестрица веселилась и шутила, а Иоланта ей даже подыгрывала и смеялась, смеялась, смеялась. Нужно отдать должное, кузина столь непринужденным способом не позволяла

ссорам и унынию вернуться в их дом, пусть и на какое-то непродолжительное время. А от чужих смешков волей-неволей поднималось настроение (даже мрачная и бледная Аврора едва заметно приподняла уголки губ на очередную рассказанную дочерью хохму).

Ричарда, несомненно, не покидала мысль, что сестрица могла притворяться, но об том он не стал спрашивать, чтоб не рушить пусть и шаткую, но идиллию. Она поймала на себе его взгляд и подмигнула, он, улыбаясь, кивнул в ответ.

Отобедав (оказывается, он уже успел проголодаться после трапезы с Ильдой, посему не стал отказываться), юноша направился к себе (Вейа за ним не последовала, да и он сослался на то, что утомился). "Сердечное прости" лежало сверху на других книгах, сестра проглотила роман за вечер — что ж, эта история сделала доброе дело, отвлекла ее от предположительного потрясения…

Парень зевнул. Раздеваться не стал, только скинул сапоги и повалился на кровать. Успев подумать, что нужно бы отнести книжки целительнице (чтоб она хоть как-то развлеклась в лесной глухомани, а не только денно и нощно выхаживала загадочную незнакомку), парень мгновенно уснул.

Отныне Ричард каждодневно наведывался в хижину. Исчезновение единственной целительницы, даже прикрытое предлогом про кратковременный отъезд к брату, могло навести в Бертлебене шороху (Как же так, на кого же нас, хворых и страждущих, ты покинула?!), поэтому подмастерью пришлось взять на себя и управление лавкой. Простые лекарства он готовил сам, принимал посетителей на месте или разносил зелья до обедни, составы чуть сложнее уже варила наставница (прямо в лесной хижине, собирая все более набирающие цвет травы на месте).

Управившись с делами в городке, юноша шел в хижину. Сперва двигал в сторону их дома по главной дороге, затем (не доходя, чтоб его не застукала Вейа или прочие любопытствующие — Грофф, бургомистр или землеробы, к примеру) поворачивал назад и полями достигал лесной кромки.

Если юноша шел к Ильде из дому, то сперва направлялся в сторону городка и снова делал крюк. К сожалению, от компании кузины в походах в Бертлебен ему приходилось постоянно отказываться, придумывая все новые и новые причины и оправдания, — глядишь, вскоре все идеи иссякнут! Хотя порой он старался проводить с ней время, прекрасно понимая, что не вправе отрекаться от нее, хоть и замучился нарезать круги, скрытничать и постоянно врать.

Зато теперь он гораздо лучше понимал отца и тетку, бремя лжи — тяжело… И тащить его самому — та еще морока… Леонард и Аврора хотя бы не одиноки в их лжи и могут посекретничать. Он же…

"А не поделиться ли с Вейей? Она ведь однажды все одно узнает…"

Но так ничего он ей и не рассказал. И продолжал бегать, юлить и крутиться, а вторую (большую) половину дня — томиться. Но покамест никто не заподозрил (Ведь нет?), в чем причина.

Ричард и Ильда немного починили домик, сделав его более или менее пригодным для жизни. Ученик помаленьку, частями, сносил туда самые разные вещи, которые пригодились бы и наставнице, и хворой незнакомке.

Кстати, о ней: раны девушки начали затягиваться, но та так и не пришла в сознание. Ильда говорила, что она шепчет что-то — и не разберешь, будто иной язык, а иногда кого-то зовет. Но при Ричарде "эльфийка" хранила молчание подобно тряпичной кукле — уж веришь ли ты в чудеса, али нет — игрушка никогда не оживет — так и тут…

— А кого она кличет? — как-то поинтересовался Ричард.

— Имена. Уж друзей или врагов, как угадаешь?

Из-за слова "враги" юноша встрепенулся:

— Никого подозрительного не видела в лесу?

— Нет. А ты что скажешь про Бертлебен и округу?

Ричард помотал головой.

— Вот и славно, мой дорогой. Вот и славно. Так все пусть и идет, чтоб спокойно излечить чужеземку и отправить со спокойным сердцем до дому…

— А что за имена она шептала? — прервал бормотание наставницы ученик, не очень ему хотелось думать о том дне, когда незнакомка их покинет (пусть сие и неминуемо произойдет).

— Иллирия, Лирэн, Катэль, Фидес и Гарретт — тебе что-нибудь говорит?

— Нет. Ну… один-то Гарретт нам с тобой известен.

— Грофф?

— Но не может же *она* знать нашего старика?!

— Ты прав. Мало ли Гарреттов на свете?

Оба глянули на девушку.

— Ответов не получим, покуда она не проснется. — Ричард повел плечами. — Когда, как считаешь?

— Оковы забвения слишком крепки, пережитые ужасы не отпускают ее, — твердила целительница ранее, вот и сейчас. — Но когда-нибудь эти путы не выдержат и разорвутся, вот тогда девушка и очнется. Нам же стоит сохранять долготерпение, упорство в заботе и торопиться тут никак нельзя.

Оба старались делать все для выздоровления чужестранки. Дни и ночи сменяли друг друга, их уже минуло десять — десять дней и ночей. И все тщетно…

Упорству и исполнительности Ильды оставалось лишь завидовать, ведь уход за больными требует именно этого в первую очередь. Но невозмутимость и терпеливость начинали оставлять Ричарда. А вдруг их заботы недостаточно, а эта девушка никогда не выздоровеет, такой и останется — застрявшей между жизнью и смертью, сном и явью?

Уж лучше смерть, чем это…

Он испугался собственной столь внезапной и жестокой мысли и поспешил прочь, попрощавшись с наставницей. Конечно, о таком он не хотел говорить с Ильдой…

“Вот… Так начну врать всем кругом, уже в привычку вошло…”

Все это время Ричард искал что-нибудь об эльфах — в книгах, разумеется. Но те подвели, в них ничего не нашлось об этом народе. Кто бы сомневался? Точнее, там порой что-то проскальзывало, но ничего толкового, какие-то крупицы сведений и сплошные побасёнки, где говорилось о рогах, копытах и стрекозиных крыльях, когтях с острыми зубами и неуёмной тяге к пожиранию людей. Ничего общего с их “эльфийкой”, в общем-то…

И почему существование нударов — синекожих, беловласых и остроухих — для всего Мэриела дело обычное, а про эльфов, настоящих эльфов, а не каких-то сказочных чудищ — ни слова? Почему их так боятся, что даже толком не упоминают?

В любовных романах Ильды, само собой, вряд ли отыщется нечто полезное... Ну а вдруг? Вот Ричард решил и их прошерстить. Сердце екнуло, когда в одной из книжиц он наткнулся на заветное слово — “эльф”, но то оказалась лишь поговорка.

“Тебя будто эльфы подменили” — так говорили (как пояснила Ильда), если человек начинал вести себя странно, — и то редко, шепотом, не без испуга.

Считалось, эльфы могли очаровать тебя, после похитить и отвести в свою страну, а если ты проведешь там слишком долго, то от их магии превратишься в пустую оболочку. Тогда-то они тебя возвращали на место, а ты уже не мог жить привычной жизнью, томясь и грезя об утраченном мире.

— А что мешает им попросту убить человека? К чему все это? — недоумевал парень.

— А то изощренная пытка. Ведь эльфам сии муки, терзания и мучения — забава.

“Вот, значит, как? Эх, чужестранка уже забрала мой покой без всякого чародейства и неведомой страны!”— Ричард поймал себя на том, что ни на миг не мог перестать думать о

ней, но, разумеется, и словом не обмолвился, переведя разговор в иное русло — о лекарствах для бертлебенцев.

И хоть не всем он делился с наставницей касаемо книжных поисков, но сих попыток не прекращал.

Библиотеку в Бертлебене никто, конечно, не организовал, не считая школьной читальни с учебниками, — но и попытать счастья там никто не запрещал (уж есть в тамошнем собрании кой-чего получше, нежели слезливые книжки Ильды). Он искал сказки, песни, легенды. Хоть что-нибудь. Ничего. Как и в учебниках по истории.

Ему уже вполне думалось — а вдруг страна эльфов совсем рядом, прямо за горами? И недаром ведь живет и здравствует странный трепет в народе перед кручами Дридвинна...

И как еще объяснить появление “эльфийки” из ниоткуда?

Если только эльфы не способны разрезать полотно бытия, расстояния и времени, чтобы проникать из своего мира — в наш. Но так ли это?

Существовало и еще одно простое объяснение: она — не эльф, а принадлежит к какому-то иному народу. Но у всего должно быть имя или название, разве нет? Если нечто или некто имеет суть — тогда сразу (ну почти) перестает казаться чем-то пугающим.

Школьная читальня ответов не дала.

Еще записи хранились в архиве подле управы (летописец обрадовался внезапной компании Ричарда, даже спрашивать о целях его интересов не стал).

И это последнее место, где могло бы найтись хоть что-то, — но и тут ничего не оказалось (кроме записи о приезде шестнадцать лет назад семейства Эджинов, включая годовалого Ричарда). Лишь описание упорядоченной и монотонной жизни городка, которая с основания всего дважды нарушалась трагическими событиями: в первый раз из-за Чагринской Чумы, во второй — из-за лютых холодов и страшного голода. Но никаких эльфов в хрониках Предгорья и Бертлебена в помине не существовало.

Разумеется, болтать об эльфах с писарем никак нельзя, поэтому парень откланялся и отставил старика в компании огромных талмудов, бесчисленных дат и заурядных строк вроде: “ничего не произошло”, “рано выпал снег”, “особенно ярко сияло солнце” и “осень выдалась урожайной”.

Так и прошли эти десять дней. Но Ричарду казалось, что с той поры, как в его жизни появилась таинственная незнакомка, пролетела целая вечность. Он устал от скрытности и одиночества. И он врал, врал, врал и еще раз врал. Всем: семье, соседям, писарю бургомистра, школьному учителю… И кое-что он утаивал даже от Ильды.

Похоже, единственный шанс получить ответы — это сама девушка… А захочет ли она делиться с ними хоть чем-нибудь? Да, они ей помогли… но ведь это не повод говорить правду двум добросердечным незнакомцам?

В очередной раз обманув Вейю (которая ничуть не удивилась и даже не обиделась, что братец слинял невесть куда без нее), парень отправился к Ильде.

— Ричард, смотри, этот порез никак не заживает, — пожаловалась Ильда, стоило ему только переступить порог. — Что бы я ни делала, рана не затягивается.

Юноша взглянул на плечо девушки: словно змея, изгибаясь и переплетаясь, по нему бежала замысловатая царапина. Он прикоснулся к странной отметине, ощутив, как по коже пробежал неприятный холодок. В то же мгновение шрам вспыхнул зловещим фиолетовым светом. Девушка вздрогнула, а целители отчетливо расслышали, как она прошептала:

— Ричард…

Юноша удивленно посмотрел на Ильду и пролепетал:

— Она назвала мое имя…

— Девушка слышит нас! Это значит, она покидает пределы царства снов, возвращается к нам, в мир живых. — Целительница улыбнулась. — У нас получилось. Болезнь почти побеждена!

Глава 6. Праздник Весны

— Ричард, ну вставай же! — Юноша разлепил веки и увидал Вейю, улыбающуюся чуть ли не до ушей (редкий случай). — Купцы приехали! Праздник Весны состоится! — сообщила кузина. — Ричард, хватит спать! Ты меня слышал? Купцы…

— Я уже проснулся, прекрати меня тормошить, — проворчал он шутливо и улыбнулся. — Да, слышу тебя прекрасно, дорогая сестрица!

— Неужели?

— Вполне! — Братец вскочил с кровати, покрутился на месте, демонстрируя, что отошел ото сна и не завалится снова в постель, как только кузина выйдет за дверь.

Если честно, в последнее время он и не думал о путниках, торговцах и ярмарке, ведь его голову заняло совсем иное.

— Что же, — начал он, потому что надо что-то сказать (этого ведь Вейа и ждала от него, а ему не хотелось огорчать сестру безразличием, пусть и спишется оное на сонливое помутнение), — хорошо, что торговцы добрались до нас! Я очень рад!

Она закивала. А Ричард прикинул, что им с Вейей не мешало бы немного развлечься, провести в кои-то веки время вместе, купить чего-нибудь (что в Бертлебене не сыскать в иной раз), посидеть в таверне, погулять тут и там да послушать новости. Последнее — самое важное, пожалуй. Вдруг торговцы видели что-нибудь странное по пути сюда? Ну или хотя бы слышали… Сгодится любой слушок, пусть и самый нелепый, но он поймет, непременно поймет, как это связано с…

“Ну вот, снова…” — Выбросить странницу из головы не получалось. Эльфийка и снилась ему, и при каждом случае мысли вновь устремлялись к ней, будь то даже ярмарка, о которой он и вовсе забыл из-за хранимого секрета и вечных мотаний между лавкой Ильды, домом и хижиной в лесу. А только что кузина прервала его грезу (может, в том и благо), в которой незнакомка приходила в сознание и намеревалась Ричарду все-все рассказать.

Изображая нетерпение, он принялся умываться и одеваться, пообещав долго не тянуть с этим делом и незамедлительно спуститься к завтраку, чтобы наскоро с тем расправиться и пойти во двор — работать на грядках и глазеть на вереницу повозок, которые поползут по

дороге близ их дома в сторону Бертлебена, поползут медленно — посему выйдет разглядеть каждую, узнать старые фургоны и кибитки, гадать, какие развлечения уготовили новые, а кто на сей раз не приехал и что с ним подеялось (хотелось верить, ничего скверного).

Вейа вышла. Башмаки застучали по лестнице. Радостно. Она ждала Праздника Весны. По-настоящему ждала. И оттого стало горше. Как будто он ее предал.

“Когда народ запрудит городок, пойти в хижину все равно не получится… — Так себе оправдание, больше смахивает на одолжение. — Еще и предстоящая охота и приезд барона (если он соизволит, конечно)… Надеюсь, до того все разрешится”. — Ричард поморщился и с тоской поглядел за окно: цвел погожий день, все зазеленело, а взгляд так и норовил устремиться к хмурому лесу. Ранее он и Ильда условились, что на время гульбища рисковать с визитами не станут. Ричард помог с провиантом (на целую неделю вперед) и вернулся к прежней жизни.

Парень задернул занавесь, отошел от оконца и уставился на деревянные игрушки. Вспомнился дядя Эрик… и подслушанный разговор, что полнился обидами и тайнами, и слезы Авроры, и Вейа, сжимающая его плечо в попытке выглядеть для кузена непоколебимой, и он сам, Ричард из прошлого, веривший обещаниям (“В следующий раз возьму тебя с собой, непременно возьму, до скорого, племянник!”), умирающая незнакомка и ее последующее чудесное исцеление, собственная тайна, ложь и притворство — верилось, что не ради зла, а во спасение, — ведь так и есть, да?

“И как прежде уже не будет. Не вернуться ни к какой *прежней жизни*”. — Он взял мешок и побросал туда солдат, коней и собак — все фигурки до последней, решив отдать деревянное воинство тому, чье детство покамест не окончилось.

***

— И почем вся эта шумиха? Ничего особенного… — раздраженно ворчал отец, бросая сердитые взгляды на процессию торговцев. А Вейа не могла отвести глаз от менестрелей в нарядных костюмах, разноцветных вагончиков, циркачей и шутов. Ход радовал глаз — красками, танцами, жонглированием и демонстрацией всевозможных чудес. Потихоньку и Ричард втянулся, не прислушиваясь к ворчанию Леонарда и отринув собственные устремления к серьезной взрослости.

— Они выглядят счастливыми, — промолвила Вейа, когда проехала последняя кибитка, украшенная разноцветными лентами и флажками. — Это хорошо, можно предположить, что в Мэриеле все более-менее спокойно!

— Да, ты права. — Ричард принялся класть во взрыхленную землю саженцы чуквы. Чарующее действие сказочного шествия закончилось, он вновь возвращался к реалиям и насущным проблемам, а точнее — к одной-единственной (уверяя себя, что это и не проблема, отнюдь, а воля случая и даже предназначение).

Юноша поймал на себе задумчивый взор Вейи, та прищурилась и быстро отвернулась, изобразив крайнюю заинтересованность рассадой. Уже несколько раз Ричард замечал, как кузина так на него смотрит — словно пытается прочесть мысли… А если она уже прознала про его секрет?!

“Нет, ну что за выдумки? Ничего Вейа не знает!”

— Ну что, пойдем обедать? — Сестра прервала размышления Ричарда.

— Угу. — Леонард уже ушел, а они покамест остались снаружи.

Редкие телеги все еще тянулись по дороге, но не могли похвалиться ни яркостью красок, ни хотя бы улыбчивыми возчиками (Эти доходяги определенно притащились со стылого и бедного Нуда). Юноша так и замер, глядя на едва ли не разваливающуюся повозку с квелым буй-быком, которая шла последней, на значительном расстоянии от прочих. На козлах сидел возница в видавших виды одежах — молодой, возраста Вейи, не старше, с кожей бледно-серой,

прямо как у покойника, в довершение невесть откуда налетевший ветер сорвал капюшон с оборванца — на солнце сверкнули белесые патлы, разметавшиеся во все стороны.

— Нудар… — проговорил Ричард, вперившись взглядом в чужака, справившегося с лохмами и вновь покрывшего голову.

— Полу, — поправила кузина. — Он и близко не синекожий. — Не то чтобы они встречали нударов или хотя бы полукровок каждый день, в Бертлебене (хоть он и граничит с Нудом) те (речь про полукровок, конечно, настоящего нудара Ричард с Вейей видали лишь единожды) не водились, но порой (считанные разы) заглядывали, совсем не задерживались, затем бесследно исчезали — переплетение дорог дальше вело их невесть куда (а городок после, как и повелось, гудел пересудами, покуда мясник и портной вновь не устраивали перебранку или любопытная корова не застревала в гончарной мастерской — что на некоторый период за неимением поразительных и разнообразных событий вполне годилось).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.